

МАРЬЯНА РОМАНОВА

ЧЕРНЫЙ
ВЕНОК

КНИГА. ЛЕДЯНАЯ ДУШУ

Марьяна Романова
Черный венок
Серия «Страшные истории
Марьяны Романовой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68250674

Черный венок:

ISBN 978-5-17-136015-3

Аннотация

Тонкий психологизм повествования, присущий книгам Марьяны Романовой, заставляет читателя верить в мистические события ее историй. Революционный Петроград, современная Москва, странное поселение в северных лесах, коммуна хиппи семидесятых, нищая деревня в экваториальной Африке – на фоне этих декораций расследуется страшная легенда о том, что существуют люди, способные поднимать мертвых из земли. В одинаково завораживающей интонации автор рассказывает о деревне, в которой исчезают люди, о женщине, которая влюбляется только в старых мужчин, о древних жреческих обрядах, о том, как люди относятся к мертвецам и смерти, и о том, что есть по своей сути смерть.

Содержание

Черный венок	5
Мертвые из Верхнего Лога	13
Пролог	13
Глава 1	30
Глава 2	54
Глава 3	77
Глава 4	117
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Марьяна Романова

Черный венок

© М. Романова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Черный венок

(История, рассказанная автору врачом N)

Первым зимним утром восьмидесятилетний Петров не поднялся с постели, хотя у него был запланирован поход к гастроэнтерологу, а потом на рынок, за свежим творогом и португальской клубникой, которую он покупал мизерными порциями и потом в бумажном кулечке бережно нес домой.

Петрову нравилось баловать деликатесами жену, Нину, которую он любил уже полвека. Жена была ленинградкой и помнила, как мать варила кожаные туфли, а отец вполголоса говорил: все равно Нинка не выживет, надо что-то делать. Нине было всего одиннадцать, но она прекрасно понимала: «что-то делать» – это когда самого слабого приговаривают, чтобы те, кто сильнее, продолжали жить. За несколько недель до того дня, как мать стояла над кипящей водой, в которой размокали ее свадебные туфли, от соседей потянуло мясным бульоном. А их младшего сына, одноклассника Нины, щуплого мечтательного мальчика, который надеялся стать летчиком, хотя ему было понятно, что таких близоруких в небо не пускают, больше никто никогда не видел. Соседи даже глаза не прятали, наоборот – смотрели с некоторым вызовом, как будто бы альтернативная мораль, благодаря которой на некоторое время на их щеках появился румянец, а в глазах – блеск, стала их стержнем.

У Нины тогда не было даже сил бояться и тем более сопротивляться, но мать как-то сумела ее отбить. По иронии из всей семьи в итоге выжила только она, Нина, самая слабая.

После войны Нина ни одного дня не голодала. Но ягодам, хорошему сыру, пирожным-корзиночкам радовалась как дитя, всю жизнь, это было дороже, чем жемчуга, и теплее, чем объятия. Для Петрова было очень важно поехать на рынок за клубникой, однако он не смог встать, как будто невидимые путы его держали. Не поднялся он и во второй день зимы, и в третий, а уже к февралю стало ясно – не жилец. Угас он стремительно, как свеча, накрытая колпаком, и как-то странно – врачи так и не поняли, в чем дело.

Еще в начале осени никто не давал Петрову его лет – в нем была та особенная стать, которая выдает бывших военных. Широкие плечи, аккуратные седые усы, густые волосы, кожаный пиджак – ему и в его восемьдесят часто говорили в спину: «Какой мужчина!» А жена Петрова всю жизнь слышала: «Ты поаккуратнее, уведут ведь!» И пытались увести, много раз пытались.

В последний раз вообще смешно – наняли они женщину, чтобы та помогала квартиру убирать. У жены Петрова пальцы совсем скрутил артрит – ей было трудно мыть полы во всех трех комнатах. Вот и нашли по объявлению помощницу. Галей ее звали. Простая деревенская женщина, о таких часто говорят: без лица и возраста. Ей могло быть и двадцать пять, и пятьдесят. Кряжистая, с сухой кожей на щеках и лов-

кими сильными пальцами. От нее всегда почти неуловимо пахло кисловатым потом, и когда она покидала дом, жена Петрова, немного стесняясь, все же проветривала комнаты.

Галя приходила через день. Работала она хорошо – кроме всего прочего умела натирать паркет воском. Не ленилась, пылесосила даже потолок, ежемесячно мыла окна, перести-рала все шторы. Но обнаружился один изъян – очень уж ей понравился Петров. Ему была присуща та дежурная галантность, которую неизбалованные женщины часто ошибочно принимают за личную приязнь. Когда он приветствовал домработницу утром: «Рад вас видеть, Галюшка!», та краснела как школьница, тайком прочитавшая главу из найденного у родителей «Декамерона». А Петров думал, что она раздумя-нилась от интенсивного мытья полов. Он вообще был в этом смысле довольно наивен.

Среди мужчин однолюбы встречаются так редко, что большинство даже не верит в их существование. Петров был влюблен в жену – искренне и просто. С годами чувство его стало спокойным – ушел порыв, ушла страсть, но и через пятьдесят лет он все еще иногда исподтишка любовался женой.

Нина сидела под торшером с книгой, а он делал вид, что читает «Советский спорт», а сам ее рассматривал. И такой хрупкой она была, и такими тонкими стали к старости ее до-бела поседевшие волосы, и так пожелтела кожа, что ему даже страшно было за эту бестелесность. Будь у Петрова крылья,

он бы распростер их над женой, чтобы защитить ее от сквозняков, ОРВИ, каждую осень гулявшей по Москве, чересчур яркого солнечного света, хамоватой медсестры из районной поликлиники, извергаемых телевизором дурных новостей.

А Галя приходила мыть полы в короткой юбке из парчи и, если ей из вежливости предлагали чаю с вареньем, никогда не отказывалась. Петрову она сочувствовала. Такой статный мужик, а вынужден жить при некрасиво состарившейся жене, которую вполне можно было за его мать принять. Благородный потому что.

Долго терпела Галя. Она привыкла к инициативным мужчинам, и все ждала, когда Петров заметит ее интерес, одурет от свалившегося счастья и потащит ее сначала в постель, а потом и под венец.

Объяснение было тяжелым. Галя нервничала – она была опытным игроком на поле кокетливого смеха, а вот слова всегда давались ей с трудом. Петров изумленно хлопал глазами. Даже если бы он был одинок, эта потная румяная женщина в неуместной нарядной юбке была бы последним человеком, удержавшим его взгляд. Побаивался он вульгарных шумных баб.

И все же неловкие признания домработницы тронули его, и Петров старался подобрать такие слова, чтобы женщина не почувствовала себя раненой. Усадил ее в кресло, налил хорошего коньяка, который Галя выпила залпом, как водку.

Кряжистая Галя не понимала, почему сок ее жизни не

волнует Петрова, а сухонькая вечно мерзнущая старушонка с костлявыми ключицами, артритными пальцами и выцветшими глазами – да.

Через какое-то время она сказала, что больше не может убираться в их доме. И, честно говоря, семья Петровых вздохнула с облегчением. Все это случилось в середине октября.

И вдруг вот так.

В первый день весны Петров перестал дышать – это случилось под утро. Нина сразу почувствовала, во сне. Повернулась к мужу. Даже когда Петров заболел, она продолжала спать рядом с ним. Привычка. Мертвый Петров лежал с ней рядом и с улыбкой смотрел в потолок. За месяцы болезни он так усох, что перестал быть на самого себя похожим.

И на похоронах Петрова, и вернувшись в опустевший дом, где на прикроватной тумбочке лежали его таблетки и очки, Нина чувствовала, что муж – где-то рядом. Как будто бы у него, покинувшего тело, действительно отросли те самые крылья, которыми он мечтал ее укрывать и защищать.

Нина была спокойна – улыбалась даже. Подарила соседям новую зимнюю куртку, купленную для Петрова, да так и не пригодившуюся, и антикварную фарфоровую супницу. Не будет же она красиво сервировать стол для себя одной. Это было бы слишком грустно.

На сороковой день Нина решила распушить подушку, на которой спал муж. Дорогая подушка, гусиный пух, только

вот спать на ложе мертвеца – дурная примета. Пригласила знакомую швею, та обещала за час-другой управиться. Но спустя буквально несколько минут она позвала в спальню Нину, и лицо ее было мрачным.

– Смотри, что я нашла. Кто это вас так?

На кровати лежал черный венок. Подойдя поближе, Петрова увидела, что он сплетен из вороньих перьев.

– Что это? – удивилась она.

– Вас надо спросить, – криво усмехнулась портниха. – Кому так насолили, что порчу смертную на ваш дом навели. Хорошо еще, что сами на этой подушке спать не стали, – она бы вас, худенькую такую, за неделю сгубила.

Нина Петрова, когда-то выжившая в блокадном Ленинграде, точно знала, что Бога не существует. Когда она слышала церковные колокола, ей все мерещилось улыбающееся лицо соседского мальчишки, которого съели собственные родители, чтобы продержаться. И никто их не осудил, не посмел бы. Петровой казалось, что если кто в Бога верит, тот, выходит, либо малодушный человек, либо просто никогда не пытался прожевать вываренные в соленой воде свадебные туфли матери. Веру она воспринимала как слабость, суеверия – как глупость. Много лет они с мужем выписывали журнал «Наука и жизнь». В иной момент она просто посмеялась бы над темной портнихой.

Но венок из вороньих перьев – был.

А Петров – умер, и врачи так и не смогли найти причину

угасания.

– Ерунда... – не вполне уверенно сказала Нина. – Да и некому было...

– А вы подумайте, – прищурилась швея, уже предвкушавшая, как она расскажет эту яркую историю коллегам и родственникам. – У вас в доме бывал кто посторонний? Помните, вы говорили, женщина убираться приходила.

Нина как наяву увидела перед собою полное красное Галино лицо; верхняя губа трясется от гнева, зрачки сужены, как у собаки в трансе бешенства.

– Вы меня еще вспомните, – сказала она, принимая из Нининых рук свою последнюю зарплату. – Нельзя так со мною обходиться!.. Это вы тихоня, ко всему привычная, ссы в глаза – все божья роса. А я другая. Я и постоять за себя могу!

– Да за что же... – растерянно хлопала ресницами Нина. – Я не понимаю, душа моя... Разве мы вас хоть когда-то хоть чем-нибудь обидели?.. А если вы о муже моем, так он просто...

– Молчите уж! – перебила Галя, для которой ненависть была как парная в русской бане, – лицо ее покраснелось и вспотело. – Я просто предупредила!

И вот теперь такое... Смерть, так неожиданно пришедшая в дом, венки в подушке... Нет, Нина, конечно, не поверила портнихе – ей было очевидно, что единственный факт не может быть базой для выводов. Совпадение, просто страшное совпадение.

Венок из вороньих перьев она зачем-то закопала на пустыре.

Мертвые из Верхнего Лога

Пролог

В нескольких десятках километров от Ярославля, окруженная с трех сторон болотистым лесом, уже два столетия с лишком стоит деревенька Верхний Лог. Большинство ее домов сложены из потемневших от времени, изъеденных жучком бревен; глинистую дорожку между ними выравнивают дважды в год – для того, чтобы она все равно превратилась в склизкое месиво; над дверью покосившейся церквушки есть дата возведения – 1857 год. В середине двадцатого века государство низвергло с ее колокольни старинный колокол, а в девяностые независимый спонсор, ярославский банкир, оплатил реставрацию, и над белыми стенами выросли небесно-голубые купола. Примерно такая же церквушка была вытатуирована на груди банкира, широкая же его спина являла миру то, что ему самому представлялось адом, – кособокие черти с растянутыми в улыбке ртами и круглый котел, под которым пляшет плохо прорисованное синей тушью пламя. К Богу как к единственному оправданию реальности будущий спонсор предсказуемо приобщился, когда отбывал срок не то за вооруженный грабеж, не то за валютные махинации. В первое свое свободное лето он снял домик в Верхнем Логе,

где весь июль и первую половину августа привыкал к безграничности пространства, а заодно взял шефство над дорогой и церковью – к середине августа и появились купола. Но в начале сентября банкира убили, причем все выглядело как «несчастный случай на охоте», но местные говорили разное.

Впрочем, поговорить в Верхнем Логе любили всегда – неторопливый ток времени и размеренность жизни располагали к бесконечному обсасыванию тем, а каждая свежая сплетня была козырной картой, которая за липовым чаем передавалась из рук в руки, по пути обрастая новыми вензелями. Иногда случалось, что бубновая шестерка, пройдя от первого дома к двадцатому, незаметно оборачивалась козырной дамой пик. В общем, церковь так и осталась отреставрированной наполовину.

Зимой в Верхнем Логе оставались в основном старики, а летом из Ярославля, Углича и Тутаева приезжали к ним внуки. Иногда случались и дачники, влекомые грустной и торжественной красотой Севера. Глиняные дороги; бескрайние, похожие на океан, поля, которые так красиво седали к осени; густые леса да поросшие камышами тихие болотца; разливанная Волга с ее темными спокойными водами... Время здесь как будто замерло на века.

Сплетничали: однажды старуха Ефросинья, которую в деревне недолюбливали из-за того, что та была неразговорчива, мрачна и все время бормотала себе под нос (просто мно-

голетняя привычка хронически одинокого человека, но людям казалось, что она говорит дурное, сглазить пытается), сдала половину дома неприятным дачникам. Это была компания молодежи из Сергиева Посада – два паренька и три девицы, если слово «девица» вообще применимо к хамоватым существам, которые говорили басом, носили по четыре сережки в каждом ухе, вместо утреннего чая пили дешевое пиво из местного ларька и приправляли речь таким витиеватым матерком, что даже у местных трактористов пунцовели щеки. Пусть они приехали всего на неделю, но надоест успели всему Верхнему Логу сразу – гости притащили с собой магнитофон, денно и ночью извергавший богомерзкие визги и монотонный стук, которые самим приезжим по непонятной причине казались музыкой.

Утром второго дня одна из девиц отправилась на луг – лечь похмелье душистым теплым воздухом – и нос к носу столкнулась со старой коровой Дунькой, меланхолично поедавшей клевер. Дачница вдруг испугалась, словно безобидное животное явилось из самой преисподней, и заверещала как черт, – у тех, кто слышал ее вопль, кровь превратилась в ледяное желе. В тот же день товарка пугливой приезжей повздорила с двенадцатилетней дочкой соседей и ударом ноги сбила девчонку с велосипеда – колесо было погнуто, коленка разбита, а мать пострадавшей орала, что если Ефросинья не уймет беспокойных постояльцев, то она сама сделает это – с помощью охотничьего ружья или хорошо наточенного то-

порика. Вечером третьего дня компания решила отужинать печеной картошкой. Парни стали разводить во дворе Ефросиньи костер, и одному из них вздумалось плеснуть в огонь какой-то растворитель. Оранжевое пламя взлетело до небес и перекинулось на старенький дровяной сарай. Если бы не счастливое совпадение – сосед Ефросиньи как раз поливал огород из соединенного с колодцем насосного шланга, он вовремя заметил дым, перепрыгнул через ограду и помог потушить сарай, – весь Верхний Лог был бы уничтожен не более чем за час.

А на четвертый день ненавистные дачники отправились в лес за грибами, и с тех пор их никогда в деревне не видели. Вещи приезжих – рюкзаки с одеждой, посуда, спальные мешки – остались брошенными в доме Ефросиньи. На поиски так никто и не собрался, хотя Ефросинья волновалась и еще долго обреченно бубнила, ни к кому конкретно не обращаясь: пропали, сгнули, пропали, сгнули... Но сосед слева, лесник Борис, убедил старуху, что если бы с дачниками случилось что в лесу, он бы узнал об этом первым. Много лет подряд каждый день Борис шатался по лесам и знал там каждую ветку, каждый куст. Он чувствовал лес, дышал им. И почувствовал бы смерть, раскрутил бы ее, как клубок запутавшихся ниток. «Успокойся, Фроська. Сама, что ли, не видела, они же бешеные, гости твои», – говорил лесник. «Ребята собирались вернуться. Ящик пива купили. Они бы не бросили пиво, я их изучила», – упрямо твердила старуха. «Да

мало ли что им в голову взбрело! Ушли – туда им и дорога. А за вещами еще вернуться».

Но прошло два года, а рюкзаки дачников все еще находились в сених Ефросиньи.

Сплетничали: Нина, учительница местной школы, однажды отправилась пешком на железнодорожную станцию. Поезд уходил в половине седьмого утра, и Нина вышла заблаговременно. Стоял ранний сентябрь, на темно-зеленой траве сединой осела изморозь. Небо было высоким, хрустальным, а воздух – таким прозрачным, что им хотелось напиться допьяна. Женщина шла по пролеску, кутаясь в старую шаль, и с наслаждением принюхивалась к знакомым с детства лесным ароматам – кисловатый запах пожелтевшей ряски, травы, немного хвои. Проходя мимо церквушки, ненадолго остановилась, полюбовалась ярким куполом и старым темным колоколом. Прямо за церковью начиналось кладбище. Большая часть могил – заброшена. Некоторые кресты даже не были подписаны, никто не знал, что за люди под ними похоронены. Вдруг ей почудилось, будто между могилами проскользнула светлая фигура. Как будто она, Нина, нарушила чье-то благодатное одиночество и этот загадочный некто бесшумно ускользнул в тень, прячась. Учительница обернулась, близоруко прищурившись. Кладбище располагалось в тени густо разросшихся берез и кленов. Было раннее утро, беловатое небо напоминало старую застиранную

занавеску. Нине почудилось, что возле одной из безымянных могил стоит человек. Мужчина ли, женщина – не разберешь. Вроде бы платье на нем – простое, грубое, юбка до пола, но плечи слишком широки, чтобы принадлежать женщине. Человек смотрел на крест – словно читал надпись, которой на самом деле не было. Нина его окликнула. Он тронулся с места медленно, будто каждое движение давалось ему с трудом. Нина отметила: человек не голову повернул на звук, как сделал бы любой в такой ситуации, а обернулся всем корпусом. Их отделяло метров двадцать. Нине почему-то стало не по себе. Показалось, что лицо у него какое-то странное, как бы ластиком стертые. Особенно глаза. Человек смотрел на нее, но Нина не была уверена, видит ли. «Пьяный, – решила женщина. – А может, и буйнопомешанный. Иначе с чего ему в ночной рубашке шляться». От греха подальше учительница поспешила своей дорогой.

А потом ей рассказали, что с могилы той исчез крест. Ни следов никто не видел, ни даже трава примята не была, а крест пропал, будто с корнем его выкорчевали.

Сплетничали: двадцать зим назад это случилось. Февраль был таким холодным, что люди целыми днями отсиживались у печей. В Камышах, соседнем селе, не работала школа, закрылась библиотека, опустел сельский клуб. Магазин открывался раз в неделю, по субботам, всего на несколько часов, и длинная очередь стала единственным местом, где могли

пообщаться жители трех окрестных деревень. Зима казалась бесконечной, как Вселенная. В один из похожих друг на друга серых морозных дней лесник Борис, который тогда еще не был стариком, решил осмотреть окрестности. Жена его, Нина, пыталась воспрепятствовать – соседи слышали, как она кричала: «Не пущу, старый дурак!» Но на местных чащах лесник был женат гораздо дольше, чем на Нине, поэтому рано утром он все-таки ушел – на охотничьих лыжах-снегоступах, с ружьем на плече и рюкзаком за спиной. Вернулся немного позже обычного, в мрачном расположении духа и всю неделю отмалчивался. А в субботу Нина отправилась в магазин и в очереди рассказала соседям, что с мужем ее происходит что-то странное и она почти подозревает душевную болезнь. Три дня после возвращения из леса Борис молчал и целыми днями лежал на печи, в тысячный раз перечитывая несвежий выпуск «Советского спорта». Ел мало и рассеянно, без аппетита, и даже дрожжевой пирог с капустой, которому обычно радовался как ребенок, принял как будто бы машинально. Нина пробовала подступиться к нему и с лаской, и с обидой. Наутро четвертого дня он наконец все ей рассказал, предварительно осушив рюмочку клюквенной настойки.

Оказывается, в лесу Борис встретил двух женщин. С первого взгляда ничего особенного в этом нет – вокруг полно деревушек. Но, во-первых, Борис увидел их в глубине леса, куда и летом мало кто доходил. Во-вторых, женщины были легко одеты. Причем в домотканые платья, больше похожие

на старинные ночные рубашки, длинные, в пол. Обуви обе не носили, осторожно переступали по снегу босыми ступнями. В то же время замерзшими и заблудившимися незнакомки не выглядели – не жались друг к другу, не пытались согреться, просто медленно шли бок о бок, с трудом пробираясь по густому снегу. На появление Бориса они отреагировали странно. Вернее – никак. Не удивились, не испугались, не обрадовались. Их лица остались спокойными и расслабленными. Они остановились и некоторое время смотрели на него издалека. Борис что-то им крикнул, но женщины не ответили. Но одна – та, что помоложе, – сделала несколько шагов по направлению к нему. «Нина, когда я рассмотрел ее ближе, то чуть не умер от страха, – признался Борис. – У нее были такие глаза... как у дохлой вороны. Ничего не выражающие. Но она меня видела. Мне трудно объяснить... Видела, но не рассматривала. А их рты... Их рты были приоткрыты. Как-то неестественно. Словно мышцы лица не могли удержать нижнюю челюсть и она повисла. Не совсем упала на подбородок, но отвисла чуть-чуть. У обеих. И еще одно: у них изо рта не шел пар. Я понял это уже потом. Не было пара, как будто они дышали холодом».

Борис перекрестился, потом несколько раз выстрелил в воздух, но женщина даже не вздрогнула – так и продолжала медленно приближаться к нему. И тогда он развернулся и побежал. Убежать было нетрудно: Борис ведь был в хорошей физической форме, к тому же на широких охотничьих

лыжах, так что у незнакомки с босыми-то ногами едва ли были шансы догнать его. Лесник бежал долго, возможно, целый час. Не оборачиваясь. Бежал так, что сердце застревало в горле. Ему все время мерещился хруст веток за спиной. А когда он все же решился посмотреть назад, словно сама смерть равнодушно глянула ему в лицо. Босая женщина никуда не делась. Она по-прежнему находилась за его спиной, и по-прежнему их отделяло десятка два метров.

И она была не одна. Рядом появились другие, тоже в простых льняных платьях, тоже босые. У всех – мутные глаза и расслабленно открытый рот. Их было не меньше десяти. Все передвигались медленно, плавно, как будто бы их окружал не сухой морозный воздух, а растопленное масло. И все шли к нему.

Тогда у Бориса сдали нервы, и лесник выстрелил прямо в группу женщин. Несколько раз, дрожащими руками с трудом удерживая ружье. Опытный охотник, а ухитрился промазать.

«Нина, а ведь они даже не испугались! – пояснил муж. – Им было все равно. Я им в лица стрелял, а они просто шли ко мне».

Борис снова побежал, на слабеющих ногах. Ни на что не надеясь и готовый к смерти – причем не к той спокойной, с неизбежностью которой он, будучи человеком думающим, смирился уже к своим сорока годам, а к непредсказуемой, страшной, странной. Лесник бежал и бежал. И через какое-то время выбежал на поле. Вдалеке темнели домики

родной деревушки, из каждой трубы поднимался сизый дымок. Борис снова нашел в себе силы обернуться.

Позади был только лес – пустой, белый, неприветливый.

Когда он рассказал обо всем этом жене, губы его тряслись.

Нина не поверила, конечно. Тихонько поплакала в сенях, утирая глаза краешком шали. Борис уже много лет был ее опорой, крепостью. Женщина не была готова к его внезапному помешательству, к его слабости, болезни. Она внимательно присматривалась к мужу – как тот ест, как смотрит в окно, как обсуждает статью из газеты, как настраивает старенький телевизор, чтобы посмотреть хоккейный матч. Борис был таким привычным, родным, ничего в нем не изменилось, ничто не казалось подозрительным.

«Может быть, примерещилось тебе все?» – уговаривала его Нина. Но муж стоял на своем: в лесу он видел босых людей и те его преследовали.

Два часа в очереди пролетели незаметно – в Верхний Лог редко прилетали новости подобного калибра. Кто-то злорадствовал (Нина и Борис всегда жили душа в душу; муж не пил и покупал жене новые платья; к тому же Нина много лет учительствовала, в ее доме было много книг, и соседям иногда казалось, что она зазнаётся, задирает нос), кто-то – сочувствовал. Старая Прасковья из крайней избы пообещала занести успокаивающие капли, которые сама приготовила из трав. Местный алкоголик Степка посетовал на партию дурной водки, которую привезли в деревенский магазинчик в

прошлом месяце. «Я и сам траванулся неделю назад, вот ей-богу! Просыпаюсь среди ночи, и мерещится мне, что рядом лежит не моя Алена, а сам черт. Алена, конечно, страшна, но не черт же...» В общем, народ в очереди сошелся во мнении, что Борису все пригрезилось. Долгое домашнее заточение, а потом большая доза свежего воздуха – еще и не такое покажется.

И только Ефросинья, которая жила на краю деревни почти отшельницей и считалась блаженной, вдруг сказала: «А я однажды видела мальчика. Тоже из этих. Возле дома моего шатался, в окно заглядывал. Босой был, в рубахе длинной. Все – как Борька рассказывает. Я его молитвой отогнала, не возвращался больше».

Конечно, ее никто и слушать не стал. Что с нее, убогой дурочки, возьмешь.

Сплетничали: однажды вдовцу Дементию, который среди местных баб слыл десертным куском, даром что был запойным уже не первый десяток лет, пригрезилась мертвячка. Жил вдовствующий Дементий в одной из ближайших к лесу изб и человеком был беззлобным и тихим. Среди местных считалось, что наружностью мужчина напоминает знаменитого киноактера Александра Лазарева. Летом он подрабатывал пастухом, зимой отсиживался в доме. С собутыльниками у него проблем не было – пьяными душеизлияниями он не мучил, в драку не лез.

Так вот рассказывали, что однажды некий Семен, тунеядец из соседней деревни Камыши, забрел к Дементию с утра пораньше, влекомый информацией о яблочном самогоне, пятилитровую бутылку которого несколько дней назад удачно прикупил сосед. Оставив старый велосипед у калитки, он долго звал Дементия, и в какой-то момент молчание старого бревенчатого дома показалось ему подозрительным. Двери-то были настежь, ставни – тоже.

Дементий обнаружился не сразу. Зачем-то он забрался на необжитой чердак, где и сидел – среди полусгнивших рулонов рубероида, дырявых ведер, продранных матрасов и прочего старья. Семен потом утверждал, что он не сразу признал любимого собутыльника, потому что на голове у того не осталось ни одного темного волоса. Дементий стал совершенно сед. Он сидел на корточках, обняв собственные колени, и плакал, тихо подвывая.

Семен, решив, что к соседу пришла белая горячка, заметался по чердаку. Мобильного ни у того, ни у другого мужчины не было. Что делать – бежать к соседке, у которой есть телефон, и вызывать медиков или попытаться успокоить товарища?

Дементий был бледен, на лбу выступил пот, посеревшие губы тряслись. Он вдруг схватил друга-собутыльника за руку и попросил воды. Залпом выпил целый ковш, разрешил спустить себя вниз, выкурил пять папирос на залитом солнцем крыльце и только потом рассказал, что то ли странный

сон видел, то ли сошел с ума, то ли и в самом деле возле Верхнего Лога водится нечисть.

Вечером Дементий, как обычно, пил крепкий чай на крыльце. Он был трезв и собирался пораньше лечь. Вдруг его глаза различили фигуру, приближающуюся к калитке. Незнакомая женщина. Очень странная – с виду вроде и молодая, а ходит как старуха, будто ей тяжело, суставы окаменели, а плечи тянет к земле. На ней было длинное белое платье. Темные волосы взлохмачены. Сначала Дементий решил, что она из Камышей – одна из жаждущих его ласки (женщины часто к нему ходили, приносили водку и домашний борщ в укутанной полотенцем кастрюльке). А то, что знакомая... Ну, мало ли, баб вообще не поймешь – сегодня она златовласка, а завтра – черная, как цыганка.

Дементий помахал гостье рукой и улыбнулся. Его одолевали противоречивые чувства: с одной стороны, он уже настроился на одиночество, с другой – свежий борщ точно ему не помешал бы. Да и спать уютнее, когда под боком теплая женщина.

Улыбку знакомка не вернула. Она на секунду остановилась перед запертой калиткой, а потом подняла прямую руку в сторону и, описав ею в воздухе полный круг, перекинула через калитку. Дементий удивленно смотрел на то, как женщина нащупывает засов. Голова ее при этом упала набок и улеглась на плече, нижняя челюсть тоже съехала набок, рот приоткрылся. Как будто бы она была вся мягкая, как будто

бы ее мышцы были ватными. У мужчины неприятно сжался желудок. Хотя в тот момент он еще не испугался. Но появилось какое-то предчувствие, нехорошее. Дементий поднялся и сделал несколько шагов навстречу. Незнакомка, войдя в калитку, ускорила шаг, но голова ее так и осталась лежать на плече. Глаза смотрели вниз, на землю под ногами, однако шла гостья прямо к нему! Такая была она бледная – до синевы; такая спокойная – но то было не умиротворение, не буддийская благодать, а просто отсутствие эмоций. Дементий отшатнулся. А когда женщина подошла ближе, в нос ему ударил густой запах свежей земли, влажных корней, болота, ряски и ладана. Дементий бросился назад в дом. Ему было трудно бежать (так бывает во сне, когда тебя преследует чудовище: невозможно идти вперед, невозможно закричать), на пороге его вывернуло наизнанку. Дрожащими руками он задвинул тяжелый засов. И все.

Больше он ничего не помнил. И теперь, щурясь на солнце, вдыхая царапающий горло дым «Казбека», Дементий вообще не понимал – была ли страшная женщина с запрокинутой головой или нет.

Семен другу посочувствовал. Сделал ему крепкий кофе и даже в порыве человеколюбия поджарил омлет. Ел Дементий жадно и неряшливо, как бесприютный пес. Собутыльник сидел напротив, грустно смотрел на него и думал, что пора, наверное, завязывать с домашним самогоном.

Через несколько недель Дементий продал дом и уехал из

Верхнего Лога на Север, в Архангельскую область, где, по слухам, быстро спился окончательно.

Сплетничали: первый день лета, прохладный и пасмурный, с бисеринками серой мороси, атакующей из низких рваных облаков, в камере N-ского СИЗО повесился некий Федор Губкин, житель Верхнего Лога. Соорудил петлю из тренировочных штанов, дождался предрассветного часа – никого из сокамерников не разбудил его надрывный хрип и сиплые выдохи, выталкиваемые судорожно дергающимся телом.

«Отмучился, – говорили потом они. – Не вынес чувства вины».

Полтора месяца назад, перебрав с яблочным самогоном, Губкин изрубил топором свою жену Татьяну, с которой прожил восемнадцать лет.

Поговаривали, молоденький милиционер, прибывший по вызову самого Федора, упал в обморок, едва переступив порог. Деревенский дом Губкиных напоминал скотобойню: пол был залит кровью на два пальца, сладковато-терпкий нутряной запах заставлял желудок в тройном сальто-мортале броситься к горлу. Куски еще теплой плоти были разбросаны по сеням – словно несчастную Татьяну Губкину разорвала стоя оголодавших бенгальских тигров. Сам Федор сидел на корточках в углу, прижимая к груди окровавленный топор, баюкая его, как младенца, и даже, кажется, что-то мурлыкал себе под нос.

– Я не убивал, – твердил он потом на допросах. – Ну не убивал я! Да, выпил, было дело. И уснул. И спал, спал весь вечер! Зачем мне Таньку-то убивать? Восемнадцать лет душа в душу... Вот только детишек Бог не дал...

Время шло, Губкин начал выдавать новые подробности. Такие, что однажды дознаватели не выдержали и выбили ему передний зуб. Видимо, в СИЗО Федору приходилось трудно, вот он и решил прикинуться невменяемым.

– Я слышал, как Танька орала, – уставившись в одну точку, говорил Губкин. – Поэтому и взял топор. Я ее защитить хотел. Слышали бы вы этот крик... До сих пор кровь в жилах стынет! Вбегаю – а там уже спасать некого... И ничего не сделать... Их было трое – старик, женщина и ребенок. Ребенок, ребенок... – В этом месте подследственный, как правило, начинал рыдать и сбивчиво молиться.

– Ребенок? – устало вздыхал следователь, которому был противен посиневший от многолетнего пьянства, заросший тускло-рыжей щетиной мужик, несший ахинею.

– Да, пацан. – Губы Федора дрожали. – Лет двенадцати, не больше. Я не знаю, кто Таньку убил... Но они там были, были! И еще – они улыбались... Так страшно улыбались, так страшно...

Соседка Губкиных, Мария Петровна Панферова, сообщила следователю: Федор и Татьяна часто ссорились. «Грызлись из-за каждого пустяка, неудивительно, что так нее закончилось – словоохотливо делилась она. – Я Таньке всегда

говорила: на кой тебе сдался этот алкаш? За ней ведь по молодости многие ухлестывали, а сейчас... Бывало, Танька бежит через огороды, встрепанная, в исподнем, молотит в окна, ни стыда ни совести. А муженек-кровопивец несется за ней и вопит: „Убью, сука!“ Она бутылки от Федьки прятала, а тот с ума сходил...»

Все шло к пожизненному заключению. Видимо, и Губкин прекрасно понимал, что его ждет, и у него не выдержали нервы.

Третьего июня тело Федора Губкина кремировали.
На его похороны не пришел никто.

Глава 1

– Мамочка! Это опять случилось! *Они* опять там, у меня в комнате!

Босоногая девочка лет десяти-двенадцати, одетая в ночное платье с вышивкой, вбежала в гостиную, где на дощатом столе уютно теплилась керосиновая лампа, потрескивали березовые поленья в русской печи, пахло старым деревом, сандаловыми ароматическими палочками, скисшим молоком и акварельными красками.

Женщина, красивая, темноволосая, круглолицая, нехотя оторвала взгляд от холста. Ей было не до детских ночных кошмаров. В очередной раз залатывая кровоточащую рану на оскорбленном самолюбии, она рисовала жирафа, немного скособоченного, уныло склонившего шею к земле и почему-то сиреневого.

– Дашенька, иди спать. Все хорошо, тебе просто приснилось.

Мать старалась говорить ласково, чтобы дочь не заметила раздражения, стоявшего в горле горьким комом.

Женщину звали Ангелина. Она была несчастна, и это давно приняло хроническую форму. Несколько дней назад она выпила два бокала «Ламбруско» и позвонила подруге, уютной плюшевой жене именитого скульптора, с которой приятельствовала со студенческих лет, и с веселой удалью со-

общила: «А я опять одна!» Подруга сначала ахнула, потом восхитилась Ангелининой смелостью, затем несколько минут формально поволновалась за ее будущее, но в конце концов все-таки сделала то, ради чего ей и позвонили: сообщила по секрету, что в глубине души она, домашняя кошка, завидует тем, кто одинок. Слова подруги улучшили настроение Ангелины, хотя и ненадолго.

Дело было в том, что мужчина, согревавший ее постель на протяжении последних пяти месяцев, оставил Ангелину (мужчина был немолод, тучен, талантлив и страстен – она всегда влюблялась именно в таких), и теперь ей было грустно.

Ангелина сняла дачный домик в живописной деревне, в двух сотнях километров от Москвы. Взяла с собою дочь, мольберты, краски, холсты. Но – декорации стали другими, а грусть не спешила улетучиваться.

– Мне здесь не нравится, – насупилась дочь. – Когда мы поедем домой?

Ангелина крепче сжала кисточку. Все нормально, Даша еще ребенок. Глубже дышать, глубже дышать... Бывают дни, когда все вокруг, даже собственная дочь, воспринимаются как изошренные мастера инквизиторской пытки. В свои двенадцать Даша взрослее большинства сверстников, но все же слишком маленькая для того, чтобы, разгадав черноту в маминых глазах, перестать терзать родительницу.

– Сегодня двенадцатое июля, – терпеливо объяснила

она. – Мы сняли этот домик на два месяца и вернемся в Москву перед школой... Тебе же здесь понравилось. Мы будем ходить на речку и за черникой.

– А теперь мне здесь не нравится, – топнула Даша босой ногой. – Здесь *они*, и я *их* боюсь.

– А ну марш спать! – все-таки повысила голос мать. – Ты *меня* должна бояться, я тебя ремнем отхлещу!

Плаксиво выпятив нижнюю губу, девочка попятилась обратно в комнату. Женщина с трудом удержала себя от того, чтобы остановить дочь, притянуть ее к себе, ласково потрепать по взлохматившейся голове... Она должна быть твердой – любое проявление нежности вывернет нутро проснувшейся болью, откроет шлюзы для слез, а ведь она и так на антидепрессантах. Вовсе незачем ей оплакивать того, кто так неожиданно и грубо выкинул ее из своей жизни.

Обернувшись уже от двери, Даша выдала последний аргумент.

– Мама, мне кажется, *они* – мертвые, – сама пугаясь своих слов, в отчаянии прошептала она.

Но мать посмотрела на нее так, что Даша предпочла отступить в слегка подсвеченный желтой луной мрак спальни. Ах, как было бы здорово, если бы у нее был хотя бы карманный фонарик! Его крошечным лучиком можно было бы вдребезги разбить колышущиеся тени на стене... Зажмурившись, Даша на ощупь отыскивала дорогу к кровати. Сердце колотилось так, что, казалось, могло прорвать грудную клетку.

Ничего, ничего, она справится. Ей двенадцать с половиной лет, а это уже почти не детство. Главное – не открывать глаза. Если она не будет их видеть, ничего страшного не случится.

Они стояли возле окна. Их было трое – старик, женщина неопределенного возраста и мальчик лет десяти. У всех троих были бескровные спокойные лица, женщина даже слегка улыбалась – как человек, которому известен некий секрет. У старика не было руки – пустой рукав его домотканой рубахи был испачкан высохшей бурой кровью, но, судя по всему, боли он не чувствовал. Лицо мальчика закрывала длинная густая челка. В какой-то момент он вздернул руку, чтобы откинуть ее со лба, – и стало видно, что глаза его вытекли, оставив бурые борозды на щеках, пустые глазницы были черными, в комках запекшейся крови. Не глядя на него, женщина провела ладонью по его вихрастой голове, возвращая челку на место. Из уголка ее рта вытекла темная струйка вязкой слюны.

* * *

Когда уже подъезжали к Ярославлю, у Виктории вдруг разболелась голова. Вернее, она пожаловалась на головную боль, а Марк ей, разумеется, не поверил. Вика всегда им манипулировала, всегда привирала, чтобы поступить по-своему, капризно кривила губы, если он разгадывал ее тактику. И спорила. Спорила, спорила, спорила. Даже в мелочах.

Если Марк говорил, что хочет послушать старый концерт Metallica, то вдруг оказывалось, что ее настроение идеально соответствует хрипловатой меланхолии Тома Уэйтса. Ему хотелось пойти в кино, и вдруг выяснялось, что у Виктории уже заготовлены билеты на джазовый фестиваль. Они не совпадали по девятости девяти из ста пунктов и, если бы природа не скроила Вику по формуле «губы-грудь-ноги», вряд ли смогли бы прожить вместе восемь месяцев.

– Почему именно сюда? – ныла сейчас она. – Почему вообще ты выбрал это направление?! Почему мы не поехали по Варшавке или Минке? Там гораздо красивее и не так... мрачно.

– Ты вечно всем недовольна.

Марк раздраженно выбросил только что закуренную сигарету в приоткрытое окно – даже любимый Captain Black показался горьким. Похоже – все, конец. А ведь он почти поверил: у них может что-то получиться. Восемь месяцев – его рекорд.

– Просто при слове «пикник» мне почему-то представляется обед на солнечной полянке у озера, а не утомительная дорога черт знает куда.

– Там тоже есть озеро. Вернее, река. Там красиво, тебе понравится.

Виктория скривилась. Это у нее особенное выражение лица, означающее «кто как, а уж я-то понимаю, что окружающий мир – дерьмо». Губы сморщились, плотно сжались и

стали похожими на рот стервозной восьмидесятилетней язвенницы, между густыми бровями залегла борозда. А ведь раньше такая гримаса Вики казалась ему детской, забавной. И Марк умилялся, тормошил ее, смешил, утешал...

Ладно, еще один уик-энд он перетерпит, и баста. Когда в понедельник утром Виктория отчалит по своим обычным делам (которые сводятся к выщипыванию лишних волосков и удобрению питательными масками нелишних), с каким же удовольствием он сложит ее вещи в дорожную сумку! Ну а пока ей ни к чему знать о том, что ее ждет. Как, впрочем, и о том, что Марк ее обманул. Что предстоящий жизнерадостный пикник молодой «почти семьи» – не более чем декорация к спектаклю, о котором также лучше умолчать, если, конечно, нет желания, чтобы острые акриловые когти Виктории исполосовали ему физиономию. Ибо Вика, как большинство недалеких и скованных условностями особ, болезненно реагировала на любое упоминание о сексуальном прошлом партнере. Она истово ненавидела всех бывших женщин Марка, и когда-то это казалось ему трогательным доказательством любви. Потом-то он разобрался, что причина ее – вовсе не чувство к нему, а змеиная натура Вики, многолетняя привычка самоутверждаться за счет других самок.

В село Верхний Лог Марка привела любовь, давно зачахшая и бессмысленным сухоцветом оставшаяся где-то на самой пыльной полочке его сердца, но вдруг вновь пустившая слабый росток – неожиданно, болезненно.

Марк считал себя женоненавистником, умудряясь одновременно быть бабником высшей категории – из тех, что читают Есенина одной пассии, под столом настучивают эсэмэски другой. Его кровь представляла собой жизнерадостную мешанину национальностей и рас: мать Марка была украинской казачкой, а отец – темнокожим атлетом, мелькнувшим на периферии маминой жизни во время Олимпиады-80 и оставившим на память выцветший от старости черно-белый снимок да тугие кучеряшки волос. Чертами лица Марк походил на мать, к тому же уродился белокожим, однако румянец его был смуглым, губы – чувственными и полными, глаза – карими и блестящими, и все это сводило женщин с ума.

Бабником Марк был всегда, а вот женоненавистником стал с тех пор, как из его жизни исчезла Вера. Пять лет уже прошло, но надо же – ее образ этаким наскальным рисунком остался в памяти, и если бы он был художником, то смог бы до мельчайшей черточки воспроизвести ее портрет. Марк живо помнил все – зеленые глаза, веснушки на вздернутом носике, тонкий белый шрам на левой брови, крупную родинку на щеке. У нее был неправильный прикус, а между передними зубами зияла щелка, что делало девушку похожей на французскую звезду Ванессу Паради.

Вере было всего двадцать два, и она являлась хронической, как сама выражалась, раздолбайкой, отягощенной

смутным гуманитарным образованием. Ее жизнь была карнавалом. Наверное, этим она Марка и взяла – жизнерадостностью и легкостью. Рыжие волосы, цыганская юбка в лоскутах, янтарные бусы, в карманах ни гроша, а в глазах – такое счастье!

То она мечтала стать актрисой и участвовала в каких-то странных перфомансах. То рисовала акварелью и пыталась продать свои творения на Арбате. То покупала губную гармошку и устраивала концерт в подземном переходе, собирая толпу.

Вместе с тем Веру нельзя было назвать городской сумасшедшей, фриком. Во-первых, она была такой красавицей, что прохожие шеи сворачивали, а красоте простительны любые чудачества. Во-вторых, у нее имелось то, что принято называть харизмой. Ее бездарные картинки покупали за несколько сотен долларов. Ей хотелось улыбнуться, ее хотелось опекать.

А еще Вера любила срываться и уезжать в никуда. Это Марка напрягало. Утром позвонишь ей – она у себя на Буманской. А вечером вдруг звонит сама, причем уже из Питера, и простодушно объясняет:

– Что-то захотелось сменить обстановку. Ты же знаешь, я – как сквозняк.

Они были вместе почти год. Марк сам от себя не ожидал, что способен на такое искреннее и сильное чувство. Видимо, на каждого загульного самца есть своя роковая женщина, и

для него этой фамм фаталь стала Вера с ее веснушками, сбитыми коленками, обгрызенными ногтями и солнечным смехом. Он даже собирался сделать ей предложение, все подходящего случая ждал. Но не успел. Вера бросила его. Без предупреждения, без причины. Легко и походя.

Она все так делала – легко.

С тех пор прошло пять лет.

А позавчера в приемной стоматолога (два раза в год Марк отбеливал зубы) его рассеянно блуждающий взгляд наткнулся на газетную статью. «Желтая» газетенка, ничего особенного. Из тех, что пишут передовицы о том, как гуманоиды изнасиловали старушку, а Пэрис Хилтон на самом деле – транссексуал.

«В Верхнем Логе исчезают люди» – так называлась статья, которая представляла собою полное кровавых подробностей повествование об убийстве, произошедшем в Ярославской области. Видимо, то была банальная пьяная бытовуха: муж влил в себя литр паленой водки и топором изрубил в кусочки жену. Но ушлый корреспондент раздул из бесхитростно деревенской истории рассказ в стиле Стивена Кинга. Якобы мужика посадили зря, ни топора, ни другого орудия убийства так и не нашли. В Верхнем Логе это не первый случай, просто местные отчего-то предпочитают молчать... За последние двадцать лет в тех краях пропало без вести чуть ли не сорок человек, и никто так и не вернулся... В лесу иногда находят кровавые ошметки, которые списываются на разо-

рванных волками лосей... Все бы ничего, да только местный лесник клянется, что на одном из «лосей», судя по слухам, были новенькие кроссовки, а милиции просто неохота лишнее дело на шею вешать... Ну и все в таком роде.

Марк бы и внимания на бездарную байку не обратил (он никогда не был любителем чернухи), если бы не название деревеньки – Верхний Лог.

Он слышал его от Веры. Всего однажды. За несколько часов до того, как та навсегда ушла.

– У меня тетя умерла, – вздохнула девушка. – Соболезнования приносить не надо, я ее почти не знала. Но мне в наследство остался дом, представляешь?

– Ты везучая, – обнял ее Марк. – Надеюсь, дом на Лазурном Берегу Франции?

Вера рассмеялась:

– Если бы. Наоборот – в дыре дырейшей. Есть такая деревенька в Ярославской области – Верхний Лог. Болота, леса и несколько десятков ветхих домиков. Меня туда в детстве часто отправляли, и я это место ненавидела. Домик старый совсем, но все-таки... Участок пятнадцать соток. Надо оформить и хоть за копейки его слить.

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

– Незачем! – отмахнулась она. – Поеду на утреннем поезде, а вечером уже вернусь. Подпишу там бумаги у нотариуса, сфотографирую дом, зайду к тетке на кладбище, и все.

Потом Марк злился: Вера все заранее придумала. И на-

рочно так поступила. У нее была неприятная особенность: она не умела говорить «нет». Всегда со всем соглашалась, а потом втихаря поступала по-своему. Поэтому и подумал: подружка давно запланировала его бросить.

Вера всегда была легкомысленной. И всегда уходила по-английски.

Она уехала на восьмичасовой электричке, и больше Марк никогда ее не видел.

А через три дня получил e-mail: «Прости меня, не знала, как тебе сказать. Я на Гоа, пока останусь здесь. Не волнуйся, со мной все хорошо, я с друзьями. Мне просто надо иногда менять обстановку, ты же меня знаешь. Я – как сквозняк. Еще раз прости. Клюква».

Все называли Веру «клюквой». У нее фамилия такая была – Клюквина.

Этот поступок вполне вписывался в ее систему координат. Марк ни на минуту не усомнился, что в произошедшем может быть криминальный подтекст. К тому же у Веры и правда имелись друзья на Гоа, и она часто говорила, что хотела бы хоть полгодика пожить на жарком оранжевом пляже, где пахнет марихуаной и морем, где раздолье таким, как она, – неприкаянным и свободным... Газетенку Марк забрал с собой и вечером внимательно перечитал статью, выпив полбутылки хорошего коньяка. Решил: полная чушь.

Но уснуть в ту ночь так почему-то и не смог.

Утром подумал: а ведь Верхний Лог совсем близко. Мож-

но смотреть туда и все на месте узнать. Соседей порасспрашивать. Убедиться, что Вера действительно приезжала оформить наследство, а потом благополучно села на вечерний поезд. Или что ни Веры, ни тетки ее в тех краях никогда не было, а история с наследством – очередная мистификация ее болезненного воображения...

* * *

– Даша! Дашенька! Даша, иди завтракать! – придерживая на груди шелковое кимоно, кричала женщина в глубь яблоневого сада. И беззлобно добавила вполголоса: – Все нервы вытянула, тварь малолетняя.

Немного замешкавшись на крыльце, она вышла в сад бо-сиком и подставила серое от бессонницы лицо пробивающемуся сквозь рваные облака скупому, но все-таки теплому солнышку. Она рисовала всю ночь. Уснула за столом, уронив голову на руку. Ее разбудил сквозняк, громыхнувший открытой форточкой. Посмотрела на часы – ну надо же, полдень! Вслед за тем проснулась совесть, и Ангелина нашла на антресолях неоткрытую пачку муки. Даша ведь любит оладушки с вареньем...

Дочери в комнате не оказалось. Поморщившись, женщина отметила неубранную постель и разбросанную по полу одежду.

Ангелина дошла до колодца. Старый, полусгнивший, он

находился в самом конце участка, и хозяйка предупредила, что его давно не чистили. Колодец зарос тиной, поэтому воду лучше брать в общем, который находится на деревенской дороге.

Женщина осмотрелась по сторонам – надо бы траву выкосить. Нанять кого-нибудь из местных алкашей, за пару бутылок водки те тут все в порядок приведут.

Даши нигде не было.

Ангелина почувствовала, как в районе солнечного сплетения жалким намокшим воробушком затрепыхалось нарастающее беспокойство. Резкий стук, раздавшийся совсем рядом, в двух шагах, заставил сердце совершить тройное сальто – то порыв ветра открыл держашуюся на ржавой петле полусгнившую дверцу колодца. На негнущихся ногах женщина шагнула вперед, зачем-то встала на цыпочки, наклонилась над уходящей вглубь бездной. В темной воде отражались облака.

И что-то еще.

Что-то красное?

Словно чья-то ледяная пятерня сдавила горло – у Даши были красные сандалии. Метнувшись в сторону, мать подхватила с земли проржавевшее дырявое ведро. Сердце колотилось где-то в горле, ей не сразу удалось привязать ведро к полуистлевшей веревке. Колодцем, наверное, не пользовались сотню лет... Ведро шмякнулось о воду. Женщина действовала вслепую. Наконец – показалось, что прошла це-

лая вечность, а на самом деле не больше тридцати секунд – ей удалось что-то зацепить. С трудом вытянув ведро на поверхность, Ангелина увидела в нем лейку – старую детскую пластмассовую лейку, советского еще производства, сломанную, без ручки. Ее словно обдало ледяной волной – кимоно прилипло к спине.

Какие глупости! Даша взрослая для своих двенадцати лет. И осторожная – она никогда не полезла бы в колодец. Наверное, побежала гулять с местными мальчишками, уверенная, что мать проспит до обеда. Так случалось довольно часто.

Дочь Ангелины не была сложным ребенком. Даже наоборот. В младенчестве она не страдала кишечными коликами и не утомляла мать ночным плачем, у нее был хороший аппетит и миролюбивый нрав. Даша предпочитала плыть по течению, которым представлялась ей воля матери, никогда не пыталась настоять на своем. Иногда Ангелина даже волновалась, что дочери будет потом трудно обжиться в мире, где процветают шулеры да диктаторы, а податливые и слабые вечно остаются в стороне. Даша росла чувствительной и тихой. В ней напрочь отсутствовало желание выпускать когти, из-за чего окружающие порой подозревали в ней беспросветную серость. Ангелина же видела и быстроту ума, и особенное чувство юмора, созревшее рано, как у иных акселераток созревает грудь, которая воспринимается не оружием или аргументом, а всего лишь досадным поводом носить неудобный лифчик. Так и Даша, казалось, не знала, как

правильно обращаться с теми ее свойствами, которые делали девочку заметно взрослее сверстников. Она была одиночкой: для развлечения ей даже в детстве не была нужна компания. Любимой игрой были кукольные диалоги, произносимые полупшепотом, – их обрывки иногда удавалось услышать Ангелине, и мать всегда удивлялась и даже побаивалась их странности: дочь могла, например, увлеченно разыгрывать похороны и вереницу следующих за ними поминок, соблюдая почтительную ритуальность.

Было и кое-что еще пугающее. Впервые это случилось, когда Даше исполнилось шесть. Стояла одна из тех душных июльских ночей, когда воздух кажется смолисто-навязчивым и таким тяжелым, что им легко одурманиться, но почти невозможно, вдыхая его, уснуть. До половины третьего Ангелина ворочалась под простыней, которая пропиталась ее потом и воспринималась бетонной плитой, а потом решила выпить ледяного чаю.

В кухне она увидела Дашу.

Дочь лежала под столом, раскинув руки, и от неожиданности Ангелина вскрикнула: ей сперва показалось, что девочка не дышит. Но Даша дышала мерно и глубоко, ее сон был крепким, как будто ее искусственно одурманили эфиром. Ангелина на руках перенесла девочку в постель и через какое-то время почти забыла об инциденте. Но спустя пару недель крепко спящая дочь обнаружилась в коридоре, у вешалки. Она лежала в странной позе, подогнув колени и

упершись лбом в пол. Как будто молилась.

Ангелина кинулась сначала на интернет-форумы, а потом и на консультацию к именитому психиатру. Ее успокоили: детский сомнамбулизм – явление распространенное; пройдет время, и Даша перерастет эту странность. Пока же надо всего лишь позаботиться о ее безопасности – чтобы во время таких прогулок она не поранилась или, скажем, не выпала в окно.

Ходила Даша во сне не то чтобы часто, но и забыть о своем недуге не давала.

– Ангелина, что это ты в таком виде по двору разгуливаешь?

Женщина вздрогнула.

Возле забора стояла незаметно подкравшаяся соседка – круглолицая женщина с носом-картошкой, обветренной кожей и тяжелым крестьянским задком. Видимо, она была примерно одного возраста с Ангелиной – максимум лет тридцать пять, – но кожа ее не знала дорогих кремов, тело никогда не холили диетами или массажами, волосы не укладывали феном, а практично прятали под хлопчатобумажный платок. Солнце и ветер огрубili ее некогда миловидное лицо, разлиновали его морщинками, поэтому женщина выглядела значительно старше. Соседку звали Марьей, она родилась в Верхнем Логе, да так и прожила здесь всю жизнь, не выезжая дальше Ярославля.

К Ангелине она отнеслась с подозрением. Изнеженная москвичка, из дома не выходит раньше полудня, огород не разбила, даже цветочки посадить поленилась, по ночам жжет свечи, носит шелка и босоножки на каблуках, зачем-то красит губы. Брови черные, ломаные, как у ведьмы, и взгляд как у гулящей кошки. А самой, поди, уже за тридцатник (как бы она удивилась, если бы узнала, что Лине уже тридцать восемь). И мужика нет – стыдоба. Дочку явно нагуляла, судя по всему, такую же ветреную и никчемную.

«В чем хочу, в том и хожу, сад-то мой», – хотела огрызнуться Ангелина, да не решилась. Зачем ссориться с соседями? Кто их знает, еще дом спалют, а ей потом плати...

– Да вот, Марья Петровна, дочка моя потерялась куда-то, – улыбнулась она.

– А вставать раньше не пробовали? – хитро прищурилась соседка, да еще и подбоченилась.

Это было уже совсем наглой выходкой. В любой другой день Ангелина вышла бы из себя и дала понять бесцеремонной клуше, who is who, но после инцидента с колодцем по ее венам тягучей патокой разлилась непонятная слабость.

– Наверное, к речке поехали, – смягчилась Марья, поняв, что воевать с нею изнеженная москвичка не собирается. – Целая ватага на велосипедах просвистела часа полтора назад.

– У Даши нет велосипеда...

– Велика беда! – хмыкнула Марья. – Ее, наверное, Ванька

Обухов из крайнего дома на раму посадил... Ох, гляди, Ангелина, еще нюхнешь ты с ней горя! Девка у тебя непростая, сразу видно. Принесет в подоле...

– Не говорите глупости! – поморщилась дачница. – Даше всего двенадцать лет.

На поле материнства Ангелина всегда была чужим игроком, заслуживающим дисквалификации. Матерая мазохистка, наделенная даром извлекать из каждого кусочка боли чудесные нервные штрихи, линующие холст, она всю жизнь была одиночкой. Осмысление боли и ее переработка в произведение искусства нуждаются в личном пространстве. У нее всегда было вдоволь территории – воспитанная сильной, целыми днями пропадающей на работе матерью, она с юности привыкла к одиночеству и уютно в нем обжилась. Вокруг нее всегда были не обычная комната, не обычная улица, не обычная дорога, а хрупкий, бензиново переливающийся всеми красками мир, в котором помимо нее самой обитали такие демоны, что Борхес смог бы написать второй том своего Бестиария.

Ангелина любила все, что делало ее грустной, – момент, когда золотая осень переходит в серую и слякотную, низкое небо, горьковатый коньяк, европейское кино, ароматы полыни и корня ириса, пробирающие до мурашек стихи, и мужчин, женатых, умных и старых. Ей было всего семнадцать, когда первый такой мужчина вошел в жизнь Лины, и ее внут-

речения принцесса-в-замке, красивая анемичная девочка, измученная музыкой «Пинк Флойд» и Осипом Мандельштамом, вдруг взорвалась такой полноцветной радугой, что было даже страшно. Она почти не ела и почти не спала, могла за ночь написать картину, а потом утром продать ее в подземном переходе к Измайловскому вернисажу. У нее покупали – не могли не купить! Потому что в ней было нечто большее, чем гений или ремесленный опыт, в ней была страсть, когтями раздирающая на кусочки.

В балетном полете прошла ее юность и молодость, а зрелость Ангелина встретила в неоспоримом статусе ведьмы. Она по-прежнему была несчастна, по-прежнему выбирала не тех мужчин, но это всегда была блаженная, осознанная, добровольно водруженная на золоченый трон боль. На улице девушка носила шляпы-таблетки с вуалью, а дома – шелковые китайские халаты. У нее были перстни с огромными аметистами и всегда влажные глаза. Иногда она покупала кокаин и ненадолго становилась электрически смешливой. Иногда уезжала в Крым и снимала там дачу с садом, а возвращалась в несвойственном для нее спокойном и сытом состоянии. Ангелина овладела искусством влюблять, не утратив способности влюбляться, и при желании могла бы стать той, кого женские журналы называют *self made woman*. Однако предпочитала быть такой, какой была всегда, – нервной, бледной, умеренно голодной и совсем-совсем одинокой.

И вот ей двадцать семь, и очередной месяц без крови на

трусах она встречает буднично и с холодным сердцем – ее организм был слишком нервным и нестабильным, чтобы выдерживать регулярный цикл. Получилось как в дурном романе – живот рос, а принцесса, далекая от мещанских реалий, пыталась сидеть на диете из сельдерея и слабительного, потому что мягкие щеки и округлившиеся плечи вносили эстетический диссонанс в образ декадентской красавицы, ею взлелеянный. Однажды она предсказуемо упала в обморок в торговом центре, в отделе чулочно-носочных изделий (Ангелина была из тех женщин, которые считают колготки унижительными и носят исключительно чулки, даже в тридцатиградусный мороз). Перепуганная продавщица вызвала «скорую», и врач, круглолицая женщина с суровым ртом, твердо стоящая на земле, обидно отчитала пришедшую в себя Ангелину – и за слабительное, и за чулки, и за то, что та до сих пор не подумала об обменной карте, а самой через пять месяцев рожать. Так и выяснилось, что священное одиночество нарушено изнутри: где-то там, под растягивающейся кожей, растет человек – предположительно женского пола.

Сначала, конечно, Ангелина была обескуражена и все поверить не могла, что эта водевильная, пошлая история приключилась именно с нею. Но потом даже обрадовалась. У нее было богатое воображение и безупречное чувство цвета. Ей рисовалась просторная комната с развевающейся белой шторкой. В ней она сама в глубоком бархатном кресле – распутившаяся, плодородная мать-земля, Гея, богородица

– и розовая девочка с умными серьезными глазами. Ангелина будет рисовать, а девочка, запутавшись в мягких складках ее длинной шелковой юбки, станет смотреть на нее снизу вверх, как на своего личного бога. Она выбросила лишнюю мебель, перекрасила стены, сшила новые шторы и обтянула винтажным бархатом старое, доставшееся от бабушки кресло. У нее было достаточно вкуса и энергии, чтобы малыми средствами воплощать мечты. Из обычной деревянной детской кроватки была сделана колыбель принцессы, а к ней сшит марлевый балдахин. В последний день своей беременности Ангелина зачем-то пошла в «Детский мир» и купила белого плюшевого медведя, который едва ли был необходим младенцу, зато отлично смотрелся на подоконнике рядом с вазой из чешского хрусталя.

Трудными были ее роды. Попрыгунья-стрекоза, за все сорок недель беременности она не прочла ни одной книги о физиологии материнства, предпочитая довольствоваться образами, которые подбрасывало ее живое воображение. Поэтому не знала ничего ни о схватках, ни о том, как правильно дышать, ни даже о том, что роды иногда длятся несколько суток.

Было больно, как будто внутри нее взорвалась вселенная. Ее рвали изнутри, а самым страшным было то, что склонившиеся над нею врачи улыбались. Этакая ожившая картинка о жестокости в нацистских лагерях: люди в белых халатах стоят над распоротым животом еще живого узника и улыба-

ются, как будто перед ними не человек, а рождественская индейка. Она старалась не смотреть в их лица. Ревела, как раненый зверь.

В итоге, когда на ее сдувшийся живот положили крошечного розового человечка, у Ангелины не осталось моральных сил на счастье. Инстинкт молчал. Потом она подумает, что природа сотворила ее неполноценной. Ей был дарован талант особенного – нервного и нежного – восприятия мира. Она могла прийти с мольбертом в обычный двор и так нарисовать его, что люди растроганно плакали. Но взамен ее лишили слепой самоцелью любви к потомству.

Ей сделали какой-то укол, и Ангелина уснула. А когда проснулась, с удивлением поняла, что жизнь ее никогда не будет прежней. Вторгшийся в ее будни крошечный человек хочет быть Буддой на алтаре, и чтобы она круглосуточно пела мантры. Ангелина же сама привыкла быть божеством, и ей было трудно переключиться на свои быт под новые условия политеистической религии. Первые недели хотелось покончить с собой. Все вокруг говорили, что ее дочь – ангел: дает матери выспаться ночью, не капризничает и смотрит так серьезно. Но у Ангелины не укладывалось в голове: если это – ангел, то каковы же тогда демоны? Подруги рассказывали ужасы. Сын одной из них не выпускал изо рта материнскую грудь часами, как вампир. У нее соски посинели и потрескались, а ему – хоть бы что. Дочь другой срыгивала всю еду, и ее приходилось подкармливать через желудочный зонд, пять раз в

день. На фоне этого жизнь Ангелины казалась безоблачной. Ей было стыдно жаловаться, хотя плакала она гораздо чаще, чем смеялась. И еще ей было стыдно, что материнство не приносит ей радости.

Рисование она забросила – малышке было вредно дышать красками и растворителями. За несколько лет Ангелина изменилась так, что знакомые из прошлого невозмутимо проходили на улице мимо нее и даже не останавливались, чтобы поздороваться. Она поправилась, ее бедра отяжелели, лицо округлилось. Чулки, старые бархатные платья и вуали Ангелина аккуратно сложила в старую коробку из-под телевизора и упрятала на антресоли, как пиратский клад. Пришлось купить в спортивном магазине свитер и утепленные штаны. Ее взгляд погас, жизнь, которая всегда была такой волнующе непредсказуемой, стала похожа на колесо сансары. Каждая ночь была маленькой смертью – Даша засыпала, и вымотанной Ангелине хотелось безвозвратно провалиться в черноту. Но каждое утро она была обречена вновь появляться на свет.

Нет, все было не так уж беспросветно. Со стороны она вообще смотрелась хорошей матерью. Ей нравилось нашептывать импровизационные сказки, склонившись над дочкиным крошечным лицом, – Даша слушала, замерев, только было неясно, увлечена ли малышка сюжетом или просто слушает мамин голос, спокойный и плавный, как река. Нравился нежный запах младенца: молоко, чистая кожа, медовое дыхание – космос. Умилял Дашин смех, который делал дочку

похожей на мультипликационного человечка.

Однако ей казалось, что одинаковые дни мешают чему-то очень важному. Чему-то, ради чего она, Ангелина, и была, собственно, явлена на божий свет.

Конечно, с годами стало проще. Когда Даше исполнилось три, Ангелина записала ее в хороший детский сад – не могла поверить в собственную свободу. Ей хотелось всего и сразу – курить прямо в квартире, рисовать, наряжаться, часами гулять по Бульварному кольцу, пойти в гости к знакомым художникам и болтать с ними ни о чем. Постепенно она расправила плечи. Похудела. Спрятала свитер и лыжные штаны на антресоли, вернула себе радость носить корсет и курить через мундштук. Появились мужчины – предсказуемо старые, красивые и женатые.

Даша всегда была как бы взрослее сверстников – так часто случается с детьми безнадежных эгоистов. Когда ей исполнилось пять, Ангелина уже искренне находила в ней приятную компанию. Дочь была интересным собеседником. Умела смотреть на мир особенно. Она была такой же нервной и нежной, как мать.

Глава 2

1918 год. Петроград

В один из ясных солнечных дней – такой голубой, золотой, хрустальный, что еще недавно он показался бы молодому Дмитрию Савицкому чуть ли не дополнительным доказательством существования Бога, – произошла катастрофа, после коей его жизнь, и без того почти загубленная, уже не могла быть такой, как прежде. Во всяком случае, так казалось ему самому.

Дмитрию было почти четырнадцать, и четыре с небольшим месяца назад его мать отдала миру свой последний выдох. Бледная, нежная, моложавая, любящая надушенные перчатки, кружевные зонты, нюхательные соли и вечерние посиделки у камина, на которых она проникновенным полупшепотом читала Бодлера, женщина не вынесла смрада революции. Болезнь, ее сгубившая, имела непонятную природу. В какое-то утро Лидия Савицкая проснулась с жаром, отказалась от завтрака и грустно попросила принести старый номер журнала «Живописное обозрение» с дебютными стихами Дмитрия Сергеевича Мережковского, который однажды присутствовал на ее «каминной вечеринке» и произвел на хозяйку впечатление своим ясным умом и будто бы улыбающимися глазами. Больше она с постели так и не встала. Ни-

когда. Сгорела за полтора месяца, большую часть которых провела в тумане, иногда выныривая из него со странными просьбами – то требовала опиум, то заявляла, что она и есть антихрист. Умерла женщина тихо, во сне, и Митенька еще долго недоверчиво прижимал к губам ее остывающую руку. Мама была для него всем миром, и он не представлял, как же это возможно – жить, когда вокруг тебя рассыпалась защитная скорлупа.

Еще и девять дней не прошло, как горничная Дуняша, скривив губы, «ушла в народ». Бог знает где она познакомилась с какими-то матросами, один из которых (по ее собственным заверениям) был румян и кудряв, точно херувим. Тот и пообещал ей, что настанет день, когда Дуняша вернется в квартиру, где жила прислужницей, в качестве хозяйки и правящей государыни.

Отец, которого Митенька в глубине души считал немного рохлей, пережил свою Лидочку всего на восемьдесят дней. Он был убит при попытке купить на черном рынке буханку хлеба. Митя остался в большой разоренной квартире совсем один. Но мальчик был уже достаточно взрослым, чтобы понимать – это ненадолго. Так и вышло – в какое-то утро пришли *они*, пахнущие кисловатым потом и водкой, с комьями грязи на грубых кожаных сапогах. *Они* смотрели на Митю как на насекомое и весело трясли перед его носом какими-то бумажками, из которых якобы выходило, что к собственной квартире Дмитрий Савицкий более не имеет отношения.

У него не было сил возражать, да и это казалось бессмысленным. Вещи Митя собирал под насмешливыми пристальными взглядами. Ему позволили лишь взять сменное белье да шерстяную гимназическую шинель. Ни колечек маминых не отдали, ни ложек серебряных, ни книг («Пригодятся нам, барчонок, твои книги. С дровами-то нонче сложно!»). Ничего.

Так он оказался на улице. Совсем один.

И первое время Митенька как-то еще держался.

А потом произошла катастрофа. Дворник Никодим, который помнил Митю сызмальства, который всегда ему улыбался, а иногда с лукавой улыбкой тайком вручал то красное хрустящее яблоко, то половинку ароматного пряника, то несколько слипшихся карамелек, вдруг подошел к нему на улице, и лицо его было сурово.

– Что, в подворотне живете, ваше блаародие? – спросил дворник, и чуткий Митенька различил в его голосе незнакомую интонацию, которая показалась ему угрожающей.

– В подворотне, – подтвердил Митя, в глубине души надеясь, что, возможно, Никодим по старой памяти как-то повлияет на ситуацию.

Наивно было бы думать, что Никодим ворвется в Митину бывшую квартиру и, воинственно размахивая метлой, прогонит *тех*, чужих. Но может быть, хотя бы пустит переночевать в свою каморку, напоит чаем или кагором...

Но вместо того, чтобы начать спасать Митеньку, дворник

вдруг посмотрел на его ноги и сказал:

– А вы выросли, Савицкий. Сколько годков-то вам?

– Скоро четырнадцать, – робея, ответил Митя.

– Всего четырнадцать, а ростом уж с меня. И ножища – во какая! Савицкий, вы ботиночки-то сымайте, – вполголо-са, будто бы не веря в собственную дерзость, сказал вдруг Никодим.

– Что? – Мите сначала показалось, что он ослышался.

Но дворник упрямо повторил:

– Ботинки сымай, говорю! Ты тут все равно не выживешь, так что мне они нужнее.

– Да что же вы...

Но дворник не слушал его – надвигался на Митю, как грозовая туча. Брови его были нахмурены, а грубые большие кулаки сжаты так, что костяшки пальцев побелели. И появилось в его взгляде нечто такое, что становилось ясно – при-бьет.

– Последний раз говорю – сымай ботинки!

От унижения ли или от страха, но у Митеньки дрожали ноги. Малчик сел прямо на мостовую и непослушными пальцами расшнуровал боты. Никодим с удовольствием за ним наблюдал. Казалось, ему самому не верилось, что он может вот так обойтись с тем, с кем многие годы почтительно здо-ровался.

Вручив дворнику ботинки, Митя робко спросил:

– Так может быть... вы мне вместо дадите свои? Не могу

же я вовсе босым ходить.

Но Никодим расхохотался ему в лицо, точно дьявол, и растворился в ночи.

Митя остался один.

И это был апокалипсис.

Так прошло еще несколько дней.

Его сознание будто бы обернули многослойным шелковым коконом. Защитная реакция: не осознавать, не анализировать, не принимать информацию.

Тело существовало автономно – оно дрожало и даже иногда плакало. А однажды случилось и вовсе постыдное. Нос к носу столкнувшись с компанией подвыпившей швали и поняв, что его сейчас снова будут бить, Митя вдруг почувствовал, что ногу будто кипятком ожгло. Он даже не сразу сообразил, что случилось, а какой-то типчик в кожанке с нахальными злыми глазами уже дышал чесночным духом ему в лицо: «Обоссался, блаародие?» И, отвернувшись к своим, уже с утвердительной интонацией весело подытожил: «Блаародие обоссался!»

Когда они ушли, Митенька сел на корточки, прижался спиной к холодной стене и завыл – тихо, горько, точно обиженный щен. Ему было тринадцать лет, и он учился в гимназии.

Три года назад он добрался до отцовской библиотеки и с тех пор читал запойно, все подряд. Он привык себя ассоци-

ировать с героями умными, храбрыми и самоотверженными. С теми, кто честно сражается и всегда побеждает. Иногда перед сном ему мечталось – вот вырастет, и будет у него невеста, и он застрелит всех, кто дурно о ней подумает. А теперь получается, что не просто не может дать честный бой, а даже не способен выдержать колючий взгляд пьяного хама. Обоссавшееся блаародие – вот он кто.

Вообще-то после того случая Мите, как ни странно, стало легче. Как будто бы кто-то невидимый провел черту, навсегда отделившую нежного болезненного мальчика, в совершенстве владеющего французским и мечтающего о поединках с драконами, от грязного никчемного бродяжки. Все эти дни ему было страшно и стыдно. И так не хотелось становиться животным, так мечталось проснуться от запаха няниных блинов, и чтобы больше не было ни серых улиц, ни глумливых морд. А теперь он словно принял собственную деградацию как часть смерти. Увидел свою смерть, которой, возможно, еще дела до него не было, и смирился. А когда находишь силы принять худшее, жить становится легче.

И вот в один из тех часов, что Митенька просто сидел, прислонившись спиной к холодной стене какого-то дома и тупо созерцая пространство перед собою, кто-то вдруг потряс его за плечо.

Юноша нехотя поднял глаза.

Над ним стоял обычный мужчина, разве что ростом намного выше среднего. Да, обычный – но все же в нем бы-

ло что-то удивительное. Митенька не сразу сообразил, что именно, но через мгновение его осенило: незнакомец улыбался. И это была не торжествующая ухмылка дворового пса, дорвавшегося до барской постели, не безумная гримаса слабака, отпустившего разум на волю и пребывающего в одному ему ведомом блаженстве. Нет, самая обычная улыбка озаряла румяное лицо незнакомца – приветливая, доброжелательная и даже вполне светская. Такими улыбками приветствовали друг друга люди из Митенькиной прошлой жизни, и мальчик, грубо перенесенный в другую реальность, уже не ждал когда-нибудь увидеть подобное выражение на человеческом лице. Поэтому сейчас растерянно улыбнулся в ответ.

От незнакомца веяло уверенностью и покоем. Конечно, он мог оказаться кем угодно – войны и хаос всегда выпускают на волю шулеров и проходимцев всех мастей. Но Митенька почему-то *точно знал* – улыбающийся мужчина не причинит ему вреда.

– Что случилось, молодой человек? – сочувственно и даже как будто бы строго спросил незнакомец. Его интонация заставила Митю смутиться, и он пробурчал:

– Как будто вы сами не видите, что случилось.

– Ах, это... – махнул рукой странный незнакомец – Хотите кофе?

– Кофия? – недоверчиво переспросил Митенька. – Но откуда же у вас кофе?

– Идемте уж, – рассмеялся мужчина. – Будем вас спасать,

раз уж мне сегодня подвернулись именно вы.

Последнюю фразу он сказал так тихо, что Митя едва ее разобрал. Пожав плечами, мальчик нырнул вслед за незнакомцем в темную арку. Терять ему было нечего, беречь тоже. Последний оплот человеческого – ботинки – отняли. А жизнью он с некоторых пор не то чтобы просто не дорожил, но и был бы рад без боя вручить ее первому же посягнувшему.

Незнакомец же держался так, словно странные дни обошли его стороной. Он был гладко выбрит и благоухал вербеновой водой, а одет был в домашний бархатный халат цвета бургундского вина, из-под которого выглядывал белоснежный ворот крахмаленной сорочки. Спину мужчина держал прямо, а в его взгляде не было ни доли отчаяния или страха. Митенька шел за ним, и ему вдруг подумалось: а что, если с чернотой покончено? Невозмутимый господин почуял в нем своего и теперь не бросит. Митеньке ведь многого не надо, он готов пойти в услужение хоть за крышу над головой. Он мог бы быть секретарем: идеальный французский, сносный немецкий, латынь, каллиграфический почерк. Если, конечно, в этом безумном городе кому-то еще нужны секретари. Да что уж там, мальчик и ботинки готов был бы полировать, и взбивать постель – лишь бы не слоняться больше по темным улицам, не смотреть в противные рыла, лишь бы хоть иногда было немного теплого ноздреватого хлеба и кофе. У Митеньки заурчало в животе. В последний раз он ел вчерашним утром – у брошенных дворником мусорных ба-

ков нашел вялый и подгнивший с одной стороны кочан капусты.

Кофе... Он обещал кофе...

Мите думалось, что незнакомец ведет его к себе в дом, но тот вдруг остановился посреди пустого двора, возле старого клена.

– Прошу вас, молодой человек.

Митя заметил, что на земле, под их ногами, валяются старые одеяла. У него задрожала нижняя губа. И так горько вдруг стало – гораздо горше, чем в тот день, когда дворник Никодим отнял у него башмаки. Было обидно, что он позволил себя провести. Да еще кому позволил – себе самому! Незнакомец и двух слов не успел сказать, Митя сам все сочинил. Так хотелось поверить в то, что в этом хаосе у кого-то еще может быть дом.

Должно быть, все горькие мысли были написаны на его лице. Потому что странный незнакомец вдруг хлопнул его по плечу и, рассмеявшись, сказал:

– Да полно же вам, хватит кукситься. Сейчас кофий пить будем... Зовут вас как?

– Дмитрием. – Митя опустил на отсыревшее одеяло и обнял колени руками.

– Меня – Хунсаг, – с легким поклоном сообщил мужчина.

– Что за имя странное? – удивился Митенька.

– Уж какое есть, таким и довольствуюсь, – мягко улыбнулся Хунсаг. – Вам, Дмитрий, кофе с сахаром?

Мальчик обескураженно кивнул.

Хунсаг отошел куда-то за угол, и, несмотря на разочарование, Мите вдруг стало страшно, что он больше не вернется. Заморосило.

Юноша закутался в одно из одеял – хоть и отсыревшее, но все же теплее. Его била дрожь. Суставы будто бы покрылись корочкой льда. «Если свалюсь с жаром, мне конец, – почти без эмоций подумал Митенька. – Не выжить мне».

– Хорошо, что у вас, Дмитрий, хотя бы хватило ума на то, чтобы избавиться от жалости к себе. Сколько дней вы бродяжничаете? Судя по состоянию вашего сюртука, не больше недели. И уже такой прогресс.

Хунсаг подошел незаметно со спины. Шаги его были неслышными, и это Митю удивляло – за дни вынужденного бродяжничества он обрел животную привычку прислушиваться. Мир звуков, которому раньше мальчик не придавал значения, вдруг стал чем-то вроде защитного талисмана. Прячась в подворотнях, он прислушивался к шагам прохожих и мог наверняка сказать, идет мужчина или женщина, обут ли человек в грубые кирзовые сапоги, или на нем изящные ботинки, гуляет ли он, охотится или убегает от погони. Хунсаг же будто летал над мостовой, не касаясь земли подошвами своих тщательно вычищенных туфель.

«Может быть, я брежу? – мелькнула тоскливая мысль. – Может быть, у меня видения? И в самом деле: какой-то чудной дядька в бархатном халате подходит на улице, предлага-

ет кофе... Что ж, даже если так, не худший способ умереть».

– Не рано ли умирать собираетесь? – подмигнул мужчина. – Вот, держите.

И протянул ему грубую солдатскую кружку, от которой поднимался тонкий ароматный парок. Митенька вдохнул божественный, шоколадный, нездешний запах, потом сделал крошечный недоверчивый глоток... Кофе! Крепкий, горячий, пряный и очень сладкий! Все еще не веря в реальность происходящего, Митя медленно, крошечными глоточками, выпил кофе, оставив немного на доньшке – на «десерт». Впервые за последние дни ему не было холодно. Кончик языка ощущал знакомую сладость, и это было теплее и уютнее, чем играть в вист у камина.

Хунсаг присел на отсыревшее одеяло рядом с ним. Он по-прежнему держался с достоинством, которое казалось неуместным в подобных обстоятельствах, но почему-то воспринималось органично. Наконец Митя рассмотрел его вблизи. У него было красивое породистое лицо – белая кожа, на которой деликатно розовел естественный румянец здорового человека, много времени проводящего на свежем воздухе, светло-серые глаза, большие и умные, прямой нос с едва заметной горбинкой, каштановые выющиеся волосы, чистые и блестящие, аккуратно подстриженная бородка. Надо же, у мужчины внешность и манеры аристократа, и все же он так запросто чувствует себя в этом мрачном дворе, на старых одеялах.

– А вы... вы тоже потеряли дом? – осмелился поинтересоваться Митя.

Почему-то невинный и вполне логичный вопрос вызвал у странного мужчины смех. Как будто бы Митя рассказал анекдотец.

– Что вы, мой друг, – наконец ответил он. – Дом я еще не обрел, так что, к счастью, терять мне было нечего.

Митенька замолчал, смущенный.

– Полно вам, не обижайтесь, – подмигнул Хунсаг. – В вашем возрасте я был таким же неженкой.

– Сколько же вам лет теперь? – спросил Митя, поскольку выглядел его новый знакомый максимум на двадцать с небольшим, что едва ли давало ему право на снисходительную ремарку «в вашем возрасте».

– Понимаю, что в это трудно поверить, но мне уже за семьдесят, – вздохнул Хунсаг. – И не надо так таращить глаза, молодой человек. Я всю жизнь работал над бессмертием и кое-чему успел научиться.

– Вы... вы... Вы чумной какой-то! – вырвалось у Мити. Мальчик тотчас же закусил губу – получилось так невежливо, так грубо. В конце концов, кем бы ни был странный встречный, он угостил его кофе, отвлек, дал возможность согреться.

Хунсаг на Митенькины слова не обиделся, а по-прежнему изучал юношу со спокойной, будто бы примеривающейся улыбкой.

– Мне кажется, у вас есть все данные для бессмертия, молодой человек, – наконец сказал он. – То есть я выразился не совсем ясно. Изначально у *каждого* из ходящих по земле есть такие данные, но уже к вашему возрасту их, как правило, сводят на нет глупыми принципами, чужими кодексами и банальными мыслями. В ваших же глазах есть что-то... есть нечто... свежее. И даже хорошо, что вы остались без дома и родных именно сейчас. Можете благодарить бога, или в кого вы там веруете, – вам повезло.

– Да что вы такое несете?! – Митя вскочил на ноги, ноздри его обиженно раздувались.

Как смеет этот ненормальный оскорблять память его семьи? Кем бы он, черт побери, ни был, какими бы кофиями ни угощал, он не имеет права говорить о милых сердцу Митеньки покойниках в таком тоне!

Хунсаг распрямил ноги, каждое движение его было покошачьему плавным. Казалось, он не предпринимал никаких усилий для того, чтобы перемещаться в пространстве, не тратил никакой энергии – все у него получалось самой собою.

– Полно вам, полно! – Хунсаг уже не улыбался. – Возможно, я переусердствовал. Нельзя же вывалить все так сразу на вашу бедную голову. Давайте присядем, и я вам все расскажу.

– Нет уж. Спасибо вам за кофий, но мне и в самом деле пора, – решительно сжал губы Митенька.

Но почему-то не сдвинулся с места. Ноги его словно вросли в землю, и ему было так обидно за собственную никчемность. Он такой слабак, что даже не может уйти красиво.

– Позвольте полюбопытствовать, а куда вы так спешите? – мягко улыбнулся Хунсаг. – Уж не на штык ли к пьяной матросне? Не дурите, Дмитрий. Приношу искренние извинения, если невольно задел ваши чувства. Давайте все же сядем, я хочу вам кое-что поведать.

Было в его голосе что-то особенное. Как в звуке серебряного колокольчика, который когда-то имелся у Митенькиной матери. Убаюкивая его, мама звонила в колокольчик, и со временем мальчик привык погружаться в темноту под нежные хрустальные переливы. Вот и Хунсаг – словно в меха своим голосом оборачивал, словно воли лишал...

Митя покорно опустил на одеяло. Никогда еще он не чувствовал себя таким потерянным.

– Вы можете поинтересоваться, зачем вы мне вообще понадобились, – заговорил усевшийся рядом Хунсаг. – Ведь, как видите, я не бедствую. Я спокоен, сыт и даже доволен жизнью.

Митю вдруг осенило.

– Так вы же из этих... из масонов! – слово из прошлой жизни всплыло в памяти в нужный момент. – Я слышал, все масоны – маги. А маги могут наколдовать себе все, что им захочется.

Хунсаг одобрительно рассмеялся и погладил юношу по

волосам. От его ладоней словно шло тепло, в котором хотелось раствориться.

– Вы почти угадали, – подмигнул он. – За тем только исключением, что к масонству я не имею никакого отношения. Хотя и уважаю их, уважаю... Так вы хотите услышать мою историю?

Митя кивнул. А что ему еще оставалось делать?

– Случилось это в начале шестидесятых прошлого века, и я тогда был обычным юношей немногим старше вас. Жизнь любого человека из богатого и знатного рода – едва ли можно назвать скучной. Я был богат, здоров, образован, влюблен и готовился повторить судьбу многих прожигателей жизни моего поколения. Но однажды встретил человека, короткий разговор с которым все словно перевернул во мне...

Речь странного незнакомца лилась плавно, и Митенька слушал заворуженно.

– ...Было это в Пскове, где я гостил у тетки. Однажды она спросила, не хочу ли я побывать в гостях у женщины, о которой тут так много сплетничают, ее называют ведьмой и медиумом, и она в Пскове проездом, вообще-то направляется на Кавказ. Мне, конечно, стало интересно увидеть живого медиума, хоть в глубине души я и счел заранее ту женщину мошенницей.

И вот мы с теткой пришли в один дом, где собралось много народу. Хозяйка оказалась приветливой, полной, круглолицей женщиной с огромными глазами, которые словно в

душу тебе смотрели. Но красивой и даже хорошенькой ее никто бы не назвал. Она расположилась в кресле, а вокруг нее, затаив дыхание, сидели гости. Тихим спокойным голосом женщина повествовала о своей жизни, преимущественно состоявшей из путешествий в поисках истины. Причем говорила так, что ее хотелось слушать целую вечность.

Звали ее Елена Петровна Блаватская.

«До девяти лет, – рассказывала она, – единственными нянями, которых я признавала, были артиллерийские солдаты и калмыкские буддисты... Я всегда ненавидела наряды и украшения. Когда мне исполнилось шестнадцать, меня заставили пойти на большой бал у царского наместника Кавказа. Мои протесты никто не хотел слушать, и мне сказали, что велят прислуге насильно меня одеть соответственно моде. Тогда я умышленно сунула ногу в кипящий котел и потом должна была шесть месяцев сидеть дома».

Все гости ахнули, а одна нежная барышня даже лишилась чувств. Блаватская насмешливо наблюдала за тем, как слушатели реагируют на ее слова.

Затем гостыя поведала о том, что еще в раннем детстве ей были видения, в которых она встретилась с Учителем. А спустя много лет познакомилась с ним лично, и тот указал ей правильный путь. Она много путешествовала по Индии, Монголии, Сингапуру, Тибету, Египту, Америке. Везде искала чудеса – и становилась их свидетелем. И сейчас рассказывала о факирах, черных и худых, как скелеты, которые мо-

гут часами стоять в необычных позах и почитаются как святые; о древних колдунах, которые умеют воплощаться в божеств и диктовать миру свою волю.

«Однажды я путешествовала по пустыне с одним коптом, белым магом, и как-то на ночном привале призналась ему, что мне очень хочется выпить чашечку кофе по-французски, с молоком... Мой спутник подошел к верблюду с нашей поклажей, набрал там воды и через некоторое время вернулся с чашкой кофе в руках. Я его сердечно поблагодарила. Мы пили кофе и беседовали. Но потом выяснилось, что в чашке была простая вода. А я пила ее, ощущая иллюзорный вкус кофе с молоком!»

– Глупости! – не выдержав, прервал рассказчика Митенька. – Не может быть так, что человек пьет воду, а ему кажется, что это кофий! Разве только если он совсем спятил.

Хунсаг посмотрел сначала на мальчика, а потом на еще теплую чашку, которую тот держал в руках. Заслушавшись, Митя совсем забыл, что на доньшке осталось несколько глотков крепкого сладкого кофе, который теперь казался ему напитком богов.

– Если так, то вы, мой дорогой друг, совсем спятили, выражаясь вашими же словами, – усмехнулся странный незнакомец.

Митя недоуменно посмотрел в чашку и увидел вместо коричневой ароматной жижи на дне простую воду. Он удивленно поднес чашку к лицу, почти сунул в нее нос – но со-

мнений не оставалось. Юноша не знал, какое из оглушивших его чувств является более сильным – удивление или разочарование.

– Но как же это?..

– Не переживайте так! – Кажется, мужчина развеселился, глядя на его расстроенное смущенное лицо. – Будет вам еще кофий, хоть каждый день.

– Но если он ненастоящий, какой в нем вообще смысл? – надул губы Митенька.

– Какая же вам разница? – удивился Хунсаг. – Главное, что вы получили удовольствие, согрелись. Бывает так, что человек, находясь в состоянии нервного возбуждения, пьет настоящий кофе и не чувствует его вкуса. Поверьте, это гораздо хуже, чем наша с вами ситуация.

Несколько минут помолчали. Митенька молчал обескураженно – полученная информация никак не хотела правильно уложиться в его привыкшей к иным реалиям голове. Хунсаг же молчал спокойно – просто терпеливо ждал.

– Так, значит, та женщина, Блаватская, или как ее там, научила вас подобным шуточкам? – наконец спросил мальчик.

– Не совсем, – мягко возразил ему новый друг. – Хотя в конце того вечера мы действительно немного поговорили наедине. Она сама меня позвала, выделив взглядом из толпы. И сообщила мне удивительные вещи, которые так лестно было услышать молодому повесе вроде меня. Елена Петровна сказала, что я особенный. Она видит легкое голубоватое

свечение вокруг моей головы, а это большая редкость и бывает только у тех, у кого есть данные стать Великим Учителем... Еще госпожа Блаватская сказала, что если я уважаю мир, в котором живу, то должен немедленно, буквально в тот самый момент, развязаться с привычной жизнью и отправиться странствовать. Сперва я должен отправиться в Индию, затем в Непал, а потом каким-либо способом попробовать проникнуть в Тибет, хоть это и не всегда возможно, а подчас и опасно. И там я должен начать учиться. Принять послушание мудрости. Первым делом, подчеркнула Елена Петровна, мне нужно очистить мое тело. На Востоке считается, что пока тело твоё – развалина, никакие истины тебе не откроются.

– Разве ж можно быть развалиной в столь юном возрасте? – удивился Митя.

– Ещё как можно, – без улыбки ответил Хунсаг. – Ты развалина, если не можешь несколько дней провести без воды и пищи и чувствовать себя нормально. Ты развалина, если простужаешься на сквозняке. И развалина, если испытываешь страх перед другим человеком.

Митенька вдруг вспомнил чужое лицо, красное и наглое, ужасные слова: «Обоссался, блаародие?.. Блаародие обоссался!» Ему стало неловко. Тем более, Хунсаг смотрел так, словно видел его насквозь. Словно ему было известно о том постыдном инциденте.

– Выходит, и я развалина... – только и смог сказать Ми-

тенька.

– Выходит, так, – улыбнулся Хунсаг. – Но это ничего. Вы, Дмитрий, были как все. А теперь все изменится. Ведь я буду учить вас.

– Учить?

– Да. А вы будете во всем меня слушаться.

– Но только вот... – Митя сконфуженно замолчал, но потом решил закончить фразу: – Одного я не пойму. Зачем вам-то меня учить? Если вы умеете воду заклинать, чтобы она в горячий кофий превращалась, то вы настоящий волшебник. А я сейчас – бездомный бродяжка. На что я вам сдался?

– На то есть две причины, и я о них расскажу, – ответил Хунсаг. – Тогда, много лет назад, я послушался Елену Петровну. Ох, что мне пришлось пережить, как были против мои родители, которые мечтали, чтобы я женился и поступил на хорошую службу... Но я был непреклонен, и отец с матерью все же отпустили меня. Долгие годы я странствовал, познакомился с сотнями людей, некоторые из них были истинными просветленными и магами. Месяцами я жил послушником при древних храмах, где учился закалять тело и воспитывать волю и дух. Я отказался от своего имени и прошлого, даже порвал со своими родными, которые меня не понимали, и взял себе новое имя – Хунсаг. В древних легендах чеченцев и ингушей Хунсаг – дух, покровитель леса, грозный и мудрый, из груди которого торчит костяной топор.

Он вонзает свое оружие в охотников, осмелившихся нарушить его покой. Я стал называть себя так, и в конце концов имя стало моим талисманом, приросло ко мне, точно вторая кожа. Я научился читать мысли людей, подчинять их волю своей.

– Но как же... как же такое возможно – мысли читать? – Митенька почти шептал.

– Я никогда не задумывался о том, как это происходит, – нахмурился Хунсаг. – Всю нашу землю окутывает невидимая светящаяся сфера – накопленная поколениями людей информация. Те, кто ее видит, может получить любую информацию, какую захочет. С помощью нее можно и в чужой голове мысли подслушать... Несколько лет назад я путешествовал по Европе и познакомился с любопытным человеком, философом, который и сейчас находится в добром здравии. Зовут его – Карл Густав Юнг. Он рассказал мне о коллективном бессознательном, для которого придумал специальный термин – архетип. Представьте себе, Дмитрий, он даже дошел до того, что вовсе отрицал идею личности. Считал, что личность – это накопленный опыт, и все. Тут я с ним, кстати, не согласен. Но наши с ним беседы оказались для меня полезными, многое поставили на место. Я вдруг четко понял, насколько связаны между собою все люди, живущие на земле. А раз они связаны, значит – значит, я могу ими управлять. – Хунсаг тихо рассмеялся.

– Вы начали говорить о причинах... – напомнил Митень-

ка. – Что имеются две причины, которые и заставили вас обратить внимание именно на меня.

– Ах, да! – спохватился мужчина, раздумываясь от собственных речей. – Первая причина. Я увидел над вашей головой свет. Тот самый голубоватый прозрачный свет, о котором много лет назад говорила мне Елена Петровна.

Митенька с некоторой опаской провел грязной пятерней по собственным слипшимся волосам, но Хунсаг остановил его взглядом.

– Бесплезно, – сказал он. – Хотя вы и обладаете огромным потенциалом, но пока слишком замусорены, чтобы понимать, а тем более увидеть то, о чем я говорю. Но поверьте мне, дорогой Дмитрий, вы – не такой, как большинство.

– Какая же вторая причина? – нервно сглотнул Митенька.

– О, вторая причина печальная, – вздохнул Хунсаг. – Не так давно я узнал, что времени у меня осталось совсем немного.

– Вы тяжело больны? – Митенька вдруг осознал, что говорит с сожалением и даже с горечью, хотя пару часов назад вообще не знал о существовании этого странного человека.

– Разумеется нет, – почему-то развеселился Хунсаг. – Такие, как мы с вами, не болеют вовсе. Просто я слишком хорошо чувствую окружающий мир, поэтому понял – скоро мне предстоит на время его покинуть.

– На время?

– Только не говорите, что вы верите в конечность жизни! –

Лицо Хунсага вдруг стало таким строгим, что Митенька даже испугался и на всякий случай несколько раз резко мотнул головой, хотя вовсе не был уверен в возможности посмертного существования хоть в какой-нибудь форме. – Поверьте, мой дорогой друг, в смерти нет ничего страшного. Мы все приходим в этот мир тогда, когда требуется. И уходим тоже в правильный момент. Даже те, которые, как может вам показаться, погибли преждевременно и несправедливо, ушли именно тогда, когда лично им надлежало уйти. Мир слишком гармонично устроен, чтобы допустить чей-то и в самом деле несвоевременный уход. Вот и я скоро уйду. Но до того постараюсь обучить вас всему, что знаю сам.

У Митеньки пересохли губы.

– А потом? – спросил мальчик.

– А потом я уйду. А вы, мой дорогой друг Дмитрий, возьмете себе мое имя и продолжите то, что я закончить не успел.

Глава 3

Главного редактора газеты «Слухи и сплетни» Жанну Колос окружающие считали беспринципной тварью. И отчасти были правы, ибо та, разрываемая на куски гормональными бурями раннего климакса, быстро превратилась из хохотушки и редакционной души компании в угрюмую бабу-ягу, циничную, острую на язык и злую, как голодный цепной пес.

Влюбленная в голливудский гламур тридцатых годов, она носила брючные костюмы с жилетами, белоснежные мужские сорочки, лакированные мокасины без каблука, черные береты и жемчуга, курила сквозь длинный мундштук из черного камня, во время разговора щурилась, как разомлевшая на солнце кошка, и пыталась придать своему баску роковую хрипотцу. При всем том у нее было отечное лицо любительницы дрянного коньяка, закусываемого беляшами из столовой трамвайного депо, которая находилась прямо напротив редакции. Еще Жанну Колос отличали тяжелая походка варикозницы, нездоровая пористая кожа и водянистые серо-зеленые глаза. Сотрудники газеты ее побаивались и сторонились, старались даже лишний раз не проходить мимо ее заваленного распечатками, факсами, конкурентными изданиями, пустыми коробками из-под китайской еды и прочим мусором кабинета.

Газета была единственным детищем Жанны Колос, и она,

похоже, никак не могла решиться перерезать пуповину. В священном танце многорукого Шивы главный редактор металась по помещению, вмешиваясь в работу сотрудников редакции, корреспондентов и даже верстальщиков. Когда-то вся редакция «Сплетен и слухов» базировалась в кухоньке ее захламленной однушки в Капотне и представляла собой заляпанную кулинарным жиром тетрадь, в которую она заносила интересные идеи и контактные телефоны нужных людей. Газета существовала в электронном варианте, и Жанна ежедневно носилась по Москве с огромным фотоаппаратом наперевес. У нее был талант собирать самые невероятные сплетни, и постепенно офисные разгильдяи и любители пересылать друг другу по icq забавные байки полюбили ее сайт, а потом и подсели на него, как на наркотик. Позже нашлись и спонсоры, и офис на Остоженке, и молодые борзые фотографы, очарованные романтикой жизни папарацци, и амбициозные корреспонденты, не гнушающиеся ходить по головам. Жанна предпочитала иметь дело только с самыми беспринципными людьми. Как она сама выражалась – с отморозенными. С такими, кто, подобно ей, вдохновенно украшал случайно подслушанную новость невероятными в своем драматизме деталями, и история приобретала иной подтекст. Мадам Колос искренне гордилась тем, что «Слухи и сплетни» лидировали по количеству поданных на издание исков от знаменитостей.

«Мы делаем настоящую желтую прессу! – любила она го-

ворить подчиненным на еженедельных летучках. – Это вам не рафинированная интеллигентщина. Опасность, романтика, лезвие бритвы – вот наш конек. Вы должны быть наглыми и смелыми, ничем не должны гнушаться. И если вы врете, то ложь должна быть такая, которая заставит весь мир затаить дыхание!»

Сейчас Жанна Колос отчитывала молодого корреспондента, бледного сублильного очкарика с внешностью отличника, обладателя годовых абонементов в Ленинскую библиотеку, Консерваторию и лекторий Пушкинского музея. Его материал «В Верхнем Логе исчезают люди» занял две полосы понедельничного номера, но главному редактору казалось, что статья недостаточно остра и правдоподобна.

Жанна сидела, свободно откинувшись на спинку массивного кожаного кресла, смолила неизменную сигарету, цедила трогательно замаскированный под утренний чай коньяк и время от времени с грохотом опускала унизанную массивными перстнями руку на поверхность стола, что заставляло ее жертву глубже втягивать шею в воротник прокуренного свитера.

– Говно это, а не материал! – припечатала мадам Колос. – И мне странно, что ты тут еще оправдываешься, а не лобызаешь мне ноги, умоляя, чтобы тебя не уволили.

Корреспондент с тоскливой опаской покосился на большие ступни главного редактора.

– Не умеешь хорошо врать – не берись! Я всегда говори-

ла, что не против красивого вранья, но твоя байка – просто детский сад, страшилка для впечатлительных пионеров!

– Зато это правда, – обиженно возразил корреспондент.

– Не смейся мою жопу! – Жанна всегда бравировала своей фирменной разнузданной грубостью. – Ладно, уважаю за то, что не мямлишь и не оправдываешься. Смотрелось бы еще более жалко... Но на будущее учти – мне нужна фактура. Если уж сочинишь вампирскую байку, то пусть в ней будут кровь, кишки и вопли ужаса.

– У меня вовсе не вампирская байка, – надулся автор. – И я написал, что тела были разодраны в клочья. Что в лесу находили кровавые ошметки, и было невозможно понять, чьи это останки – человека или животного. А что стало с той бедной женщиной... Ее мужа приговорили к двадцати пяти годам строгого режима, а он плакал и клялся, что весь тот вечер спал в сарае пьяный. Вы посмотрите на его фотографию – он же алкоголик, у него наверняка трухлявая печень и едва хватает сил поднять к губам стакан с сивухой! Разве такой хлюпик смог бы своими тонкими ручонками за полтора часа раздробить все кости жены и чуть ли не измельчить их в труху? – Корреспондент раскраснелся, нелепые очки в дешевой пластмассовой оправе съехали набок, на лбу выступили мелкие бисеринки нервного пота.

Жанна снисходительно улыбнулась. Ее почему-то всегда тянуло к идейным сумасшедшим, она многое могла простить за огонь в глазах и умение с пеной у рта доказывать свою

правоту.

– Ладно, ладно, – успокаивающе подняла ладонь главный редактор. – Как тебя, говоришь, зовут?

– Савелий, – смутился очкарик. – Можно просто Сева. Я у вас недавно работаю.

– Савелий... – задумчиво протянула мадам Колос.

А что-то есть в нем, в Савелии этом. Пусть его немного карикатурная внешность и не имеет ничего общего с понятием sex арреал, но в нем чувствуется стержень. Приди парень в редакцию лет десять назад, Жанна бы еще сделала на него машинальную стойку, взломала бы его коды и выпустила его огонь наружу. Ну, или хотя бы предприняла попытку узнать, может ли он любить настолько истово, как рассказывает сейчас о расчлененке и живых мертвецах.

– Означает – «испрошенный у Бога». Я поздний ребенок, меня мама в сорок пять родила...

– А сколько тебе лет?

– Двадцать восемь.

– Выглядишь моложе. Что ж, Савелий, надеюсь, тебе все понятно?

– Все, кроме одного... – К удивлению грозной начальницы, корреспондент не воспользовался ее минутным благодушием, чтобы покинуть кабинет, а невозмутимо продолжил препирательства: – Мне непонятно, почему вы можете похвалить за передовицу о похищении жителей Мадагаскара марсианами, но не заинтересовались тем странным, что у вас

под носом, в Ярославской области, происходит? Пусть я не достал фотографии, но местные жители говорят...

Жанна посмотрела на парня так, что тот скукожился и помрачнел лицом. Главный редактор улыбнулась – бедный мальчик, такой романтичный и впечатлительный. Носится со своими вурдалаками, а глаза блестят, как у психопата в маниакальной стадии.

– Черт, вы мне не верите, – вздохнул автор статьи. – А если... если я привезу снимки?

– Мертвецов? – с жалостью спросила мадам Колос.

– Не знаю, проявляются ли они на пленке, – на полном серьезе ответил Савелий, задумчиво нахмурившись. – Но я чувствую: там что-то есть... Что-то, чего я пока не понимаю. Можно мне оформить командировку? Хотя бы на неделю?

– Ты с ума сошел! – гаркнула Жанна. – Я и так слишком долго слушала твой бред. Убить неделю на вялую историю о трупах, которые ходят по лесам и нападают на людей. У нас и так аврал!

– Это все дешевка, – упрямо сжал губы Савелий. – Если вы не выпишете мне командировочных, я отправлюсь туда за свой счет.

– Ты еще меня и шантажируешь, жопа с ушами?! – Мадам Колос поднялась из-за стола. Ее гренадерский рост и атлетическая ширина плечевого пояса всегда были дополнительным аргументом в тонком искусстве запугивания оппонента. – Можешь отправляться в свой Верхний Лог! Только

предупреди в бухгалтерии, что больше не числишься в редакции! Понял?

– Но я...

– Вали отсюда, кому сказала!

Савелий хотел сказать что-то еще, но потом передумал. И, коротко кивнув, вышел из кабинета – худенький, сутулый, в старомодном свитере в катышках. Жанна покачала головой и залпом допила коньяк. Она не могла разобраться, что чувствует, но совершенно точно то был сложносочиненный коктейль эмоций и полутонов – от материнского умиления пылкой глупостью очкарика до болезненного опьянения собственной властью. Что-то из области BDSM – одновременное и одинаково сильное желание опекать и делать больно.

Черт знает что.

Интересно, парень и правда возьмет расчет и отправится в тот Верхний Лог?

Интересно, как Савелий отреагирует, если через пару недель позвонит ему?

И вот что еще интересно: не иссякла ли ее коньячная записка, которую Жанна организовала в сейфе, спрятанном за репродукцией климтовского «Поцелуя»?

* * *

Даша застонала.

Открыла глаза.

Попробовала сесть, но не смогла – реальность размашистыми мазками авангардиста плыла, не открывая своей сути. Где она, почему ей так плохо, почему не получается говорить? И почему не помнит ничего?

Ее голова была похожа на улей или многоголосо вибрирующую колокольню.

– Мама... – тихо позвала девочка, но голоса своего не услышала, только невнятный хрип.

Сжала ладонями виски и заскулила, как раненый щенок.

Из ниоткуда появилась чья-то рука – Даша разглядела широкие пальцы с грязью под ногтями, сухую обветренную кожу, рваный крестьянский загар – с прохладной металлической кружкой. Не задумываясь, девочка схватила кружку, поднесла к потрескавшимся губам и залпом осушила. Вода. Ледяная, с божественным сладковатым привкусом. Такой вода бывает только в чистейших заповедных родниках.

Боль немного отступила, в глазах прояснилось, и Даша увидела, что находится в тесной опрятной комнате с бревчатými стенами и старыми циновками на дощатом полу. Сквозняк играл легкими тюлевыми шторками, на подоконнике, в простом глиняном горшке, цвела герань, с улицы доносились чей-то смех и петушиный крик. В целом обстановка не располагала к тревожной панике. Только вот понять, почему она находится не в привычной постели, а в незнакомом доме, Даша так и не смогла.

– Доброе утро! – ласково поздоровались с ней.

На краешке ее кровати сидела женщина. Было ей между сорока и шестьюдесятью, но двенадцатилетней Даше все взрослые казались безнадежными стариками. На лице незнакомки не было косметики, из-под густых пшеничных бровей улыбались ясные серые глаза, светлые волосы прихвачены простой голубой косынкой.

– Где мама? – вместо приветствия решила спросить девочка.

– Ты ничего не помнишь, детка? И меня не помнишь?

Даша помотала головой. Женщина ласково потрепала ее по щеке. Она была такой доброжелательной, улыбочивой и спокойной – но почему-то от нее хотелось отстраниться, отодвинуться подальше. А ее взгляд показался Даше слишком внимательным и каким-то холодным. Да, да, полярный холод струился из серых глаз женщины, как будто тело ее было не из костей и мышц, а сплошной ледяной глыбой.

Даша спустила ноги с кровати и осторожно встала. В голове немного прояснилось. Она обнаружила, что одета в свое ночное платье, с вышитыми на груди полевыми цветами. Вышивку когда-то сделала мама.

– И как бежала по лесу, тоже не помнишь? – ласково спросила женщина.

Девочка нахмурилась и закусила губу.

– Но ты хотя бы знаешь, от *кого* ты бежала? – Незнакомка придвинулась ближе, от нее пахло молоком и почему-то ладаном, что одновременно пугало и завораживало.

– Я помню... *их*. – Даша почувствовала, как нервный холодок танцует на спине, и скрестила на груди руки. – *Они* были такие страшные... И *они* были в моей комнате. Я пробовала не смотреть, пробовала представить, что *их* не существует... Но чувствовала, что *они* приближаются... Ко мне, к моей кровати. Кажется, я выпрыгнула в окно...

Короткой фотовспышкой пришло воспоминание – она бежит к лесу, по мокрой холодной траве, бежит, не разбирая дороги, не оборачиваясь. Ветки больно царапают ноги, дыхание сбилось, но остановиться и передохнуть нельзя – за спиной слышны чужие шаги.

Их шаги.

– *Они* были мертвые? – понимающе улыбнулась странная женщина.

Даша отшатнулась – от страшных слов, от спокойной улыбки и будничного тона. В ее, Дашином, мире взрослые жили на другом полюсе, где царствовали рассудительность и материализм, где считалось, что у таких ранимых и впечатлительных детей, как она, чересчур богатое воображение и слишком яркие сны. В том мире мертвые спокойно спали в своих гробах, и холодный свет луны не мог выманить их наружу. И вот теперь тот мир рухнул.

– Вы... вы тоже в *них* верите?

– В наших краях *они* встречаются, – ухмыльнулась женщина. – И убегать от *них* в лес было очень глупо.

– П-почему? – прошептала Даша.

И получила невозмутимое объяснение:

– В лесу *их* еще больше. Кишмя кишат, особенно в полнолуние. Тебе просто повезло, что ты добралась сюда невредимой. В деревню *они* приходят редко, а вот лес – *их* территория.

– Но... как же так?.. Это ведь... невозможно?

– Ты сама *их* видела, – пожалала плечами женщина.

– Но почему тогда никто о *них* не знает?

– Потому что очень мало кому удается уйти от *них* живым. – Страшный смысл слов незнакомки усугубляла ее спокойная улыбка. – Ладно, Дашенька, тебе надо успокоиться. Все же обошлось, ты спаслась. Сейчас я найду тебе какую-нибудь одежду. Можешь выпить чаю, у меня есть теплые ватрушки.

– Я не могу. Меня мама ждет... Сколько сейчас времени?

– Часов у нас не имеется, но полудня еще нет.

– Мне надо идти, – решила Даша. – Вы покажете дорогу?

Мне нужно в Верхний Лог.

– И ты даже не позавтракаешь?

– Не могу... А я босиком прибежала?

Женщина кивнула.

– Одежду я тебе дать могу, но обуви мы не носим.

– А вы – кто? – наконец любопытствовала Даша.

– Мы... – Женщина задумчиво нахмурилась, но потом вернула улыбку на лицо и беспечно махнула рукой. – Потом поймешь. Давай подберем тебе какое-нибудь платье.

Хозяйка подвела Дашу к огромному сундуку с тяжелым ржавым замком. С неприятным глухим скрипом откинула крышку – сундук был забит простыми домоткаными платьями, грубыми шерстяными носками и шальями, лоскутными покрывалами и неопрятными обрезками ткани. Порывшись, женщина извлекла серое платье с широкими карманами на подоле. Повертела его в руках.

– Будет немного велико, но сойдет. Сколько тебе лет, Даша?

– Двенадцать. С половиной.

– Вот, примерь.

– Я верну, – пообещала Даша, надевая платье.

В плечах платье было ей широко, подол почти доставал до пола, но все же так было лучше, чем ходить в ночной рубашке.

– Ни к чему, – вздохнула женщина. – Возвращать уже ни к чему... Ты уверена, что не хочешь ватрушку?

Немного поколебавшись – да, девочке были неприятны и странный дом, и странная женщина, но в желудке больно пульсировал сосущий голод, а доносившийся из-за двери запах теплого теста сводил с ума, – Даша все-таки отказалась. Мать и так устроит ей выволочку.

– Ну и ладно, потом поешь, – улыбнулась хозяйка. – Пойдем, я провожу тебя до ворот.

Уже потом, недели спустя, Даша много раз возвращалась памятью к этому разговору. Тогда она не придавала значения

спокойной снисходительности женщины и ее навязчивому гостеприимству, но позже поняла: та и не собиралась ее отпустить. Была уверена, что Даша не вернется домой. Играла с ней, как кошка с мышонком. Пыталась создать иллюзию добровольности.

Они вышли на крыльцо. День выдался солнечным, Даша сощурилась и несколько раз чихнула. Женщина рассмеялась и погладила ее по голове. Девочке отчего-то были неприятны ее прикосновения, и она инстинктивно отстранилась, чем вызвала новую порцию хрустального беспечного смеха.

К небольшой деревеньке – не наберется и десятка домов – со всех сторон подступал еловый лес. Странное поселение – избы расположены не вдоль главной улицы, как обычно бывает в деревнях, а по кругу, вокруг поляны с вытоптанной травой. Все дома одинаковые, бревенчатые, с некрашеными резными наличниками, и они обнесены новеньким забором, достаточно высоким, чтобы снаружи были видны только покрытые рубероидом крыши.

Даша поджала босые пальцы ног. Изнеженная московская девочка, дочь художницы, чувствовала себя неуютно босой. А сопровождающая тоже не носила обуви – ее широкие ступни с мясистыми грубыми пальцами и твердыми тусклыми ногтями давно загрубели, были покрыты наростами желтоватых мозолей, многолетняя грязь, казалось, впиталась в каждую трещинку и пору. Даша брезгливо отвернулась. Ее мать всегда ухаживала за ногами, раз в две недели к ним прихо-

дила неулыбчивая педикюрша – мамины пятки обрабатывались опасной бритвой, а ногти красились в гляцевый алый или розовый цвет. Мама любила открытые босоножки и подобно жительницам Европы носила их до первого снега. Даже зимой иногда могла позволить себе отправиться в гости в шубе и босоножках – такое сочетание отчего-то казалось художнице высшим шиком. Вспомнив о маме, Даша улыбнулась. Ну и пусть, что ее будут ругать, главное – поскорее убраться из странной неуютной деревни.

– Лада, кто это с тобой?

К крыльцу подошла пожилая женщина с глубоко прорезавшими кожу лучиками морщин и с зелеными смеющимися глазами. На ней было почти такое же платье, как на Даше, – серое, грубое, с большим карманом. И она, как спутница девочки, тоже давно не пользовалась обувью, что было понятно по состоянию ее ступней. А волосы были прихвачены платком, точно так же, как и волосы Лады. На плечах прохожей лежало деревянное коромысло, на обоих концах которого висели пустые ведра.

Даша с любопытством на нее уставилась – коромысло девочка видела только один раз в жизни, когда в прошлом году с классом ходила в музей крестьянского быта.

– А это Даша!

Даше показалось или в голосе Лады прозвучала гордость?!

– Она теперь у тебя живет? – Старая женщина наклонила

голову набок, что сделало ее похожей на птицу. – Хорошая девочка.

– Она *хочет* вернуться домой, – объяснила Лада. – В Верхний Лог.

Проходящая понимающе улыбнулась, но что-то в выражении ее лица показалось Даше подозрительным.

– Так мы пойдем? – осмелев, дернула она Ладу за рукав. – Мама волноваться будет.

Женщина с коромыслом криво усмехнулась и пошла по своим делам, напевая под нос какую-то песенку.

– Ну да, ну да. Видишь, за тем домом ворота? – махнула рукой куда-то в сторону. – Щеколду отодвинешь и уходи.

– А дорогу вы мне подскажите? Верхний Лог вообще отсюда далеко?

– Не очень, – улыбнулась Лада. – По тропинке прямо, потом там будет река, ее надо перейти по бревну и повернуть направо, а потом... Впрочем, уже неважно. Ты только вот что запомни. – Лада наклонилась к Дашиному лицу. Ее зрачки расширились, и теперь глаза казались почти черными, а приглушенный голос звучал немного зловеще: – Днем *они* не так опасны. С *ними* вообще можно жить. *Они* медлительны и не очень-то поворотливы. Главное – не смотри долго *им* в глаза.

– *Им?* – эхом прошептала Даша. – А разве... разве днем *они* существуют? – И девочка осеклась, поняв, как глупо прозвучало ее предположение.

– Ты сказок начиталась, что ли? – рассмеялась Лада.

А Даша вдруг поняла, отчего ее раздражает и пугает звонкий смех странной женщины – та издает его в самый неподходящий момент, поэтому слова, приправленные неожиданным хохотом, производят жуткое впечатление.

– Только в сказках мертвецы с рассветом уходят обратно в свои могилы, – пустилась в объяснения Лада. – А здесь *они* шатаются по лесу и днем, и ночью. *Они* не могут успокоиться, ходят все время... Просто днем *они*... сонные. Кстати, в этом тоже есть опасность – ты можешь *их* попросту не заметить. Ночью-то *их* сразу видно, а сейчас *он* замрет, прислонившись к березе, и ты пройдешь мимо – *ему* только руку протянуть останется.

– А... может быть, вы меня немного проводите?

На сей раз Лада рассмеялась громко и нагло, по-русалочьи, откинув голову назад и прикрыв глаза. Голубая косынка съехала на затылок, и стало видно, что волосы у нее роскошные – густые, длинные, пшеничные, как у принцессы из кинофильма.

– Нет уж, милая. Я отсюда ни ногой. Я не так в себе уверена, как ты.

– Но вы же сами сказали, что днем *они* не так опасны...

Звонкий смех резко оборвался. Лада поджала губы, обозначившиеся у носа морщины и льдинки в глазах сделали ее старше лет на двадцать.

– Да, но это не значит, что днем *они* менее страшные.

Мертвяк посмотрит на тебя, и внутри все будто бы захладеет, – прошептала она. В тот момент глаза ее стали безумными. – Стоишь, как парализованная, шагу ступить не смешь. А *он* медленно к тебе идет, осторожно так... сухожилия-то прогнили, не может *он* быстрее... потом вытягивает руки и...

– Хватит! – закричала Даша. – Я пойду. До свидания.

– И еще запомни. – Лада схватила ее за плечо, больно вцепившись сильными натруженными пальцами. – Самые опасные – дети.

– Дети? – растерянно переспросила Даша.

– Детей среди *них* мало, но встречаются. Есть даже младенцы, я один раз видела... *Ему* месяцев семь-восемь, ходить не может, но головку уже держит... *Его* мать носит, тоже мертвая. Подойдет, прицелится – и кинет *им* в тебя. А *он* уже не отпустит, зубов у *него* немного, но все острые. И ручки сильные, не разомкнешь. Пока будешь пытаться *его* от себя оторвать, мать подоспеет. А за ней – другие. *Они* всегда чувствуют, когда кто-то из *них* поймал человека, и сходятся на свежую кровь... От мертвяка можно убежать, но если уж *он* тебя схватил, бороться бесполезно.

– Как же вы здесь живете? – Даша пыталась унять трещающее сердце, но не могла. Ее подташнивало.

– А к нам *они* не ходят, – улынулась Лада. – В Верхний Лог еще могут дойти, хотя и редко. Но к нам – никогда. Ладно, если собралась уходить – беги.

Коротко кивнув, Даша спустилась с крыльца. Мелкие камушки и сухие травинки неприятно царапали босые ступни.

Лада крикнула ей вслед:

– Ворота я запираю пока не буду, и если что, беги прямо сюда. Беги и не оборачивайся!

* * *

Верхний Лог оказался типичной среднерусской деревенькой – глинистая дорога, раскидистые дубы и пропылившиеся ивы по обочинам, одуряющий запах клевера, навоза, парного молока, жмущиеся друг к другу старые бревенчатые дома. К некоторым из них хозяева пристроили дощатые терраски и небольшие аккуратные баньки – смотрелось это несколько удручающе, словно белоснежные свежие пломбы на гнилых зубах.

В огороженных шаткими изгородями палисадниках росли пышные кусты сирени и облепихи, старые яблони с кривыми стволами, похожими на артритные пальцы стариков. На посеревших от времени, кое-где изъеденных плесенью лавочках скучали местные старухи, одетые не по-летнему многослойно. Деревня была немаленькой, домов пятьдесят, а то и больше.

– Какая нищета! – поджала перламутровые губы Виктория. – Зачем ты меня сюда привез? Лучше бы съездили в Нахабино.

– Надо расширять границы мира, милая, – насмешливо подмигнул Марк. – Неужели у твоей бабки не было вот такого милого домика? Хотя у вас, в Кустанае, наверное, совсем другая природа...

Вика насупилась и промолчала. Марк внутренне усмехнулся: он знал, что его подруга не выносит напоминаний о ее происхождении, мягко говоря, не слишком благородном. Она была диковинной оранжерейной орхидеей, чудом уродившейся среди грубых сорняков.

Оба родителя Виктории работали на консервном заводе и к сорока годам спились, быстро потеряв человеческий облик. Старшая сестра была умственно неполноценной, младший брат в тринадцать лет впервые отправился в колонию для малолетних преступников за ограбление коммерческого ларька. Вике едва исполнилось четырнадцать, когда в отчаянной попытке спастись из черного омуту бытовухи девочка отдала свою невинность проводнику поезда дальнего следования, и тот привез ее в Москву. Марк всегда удивлялся, как она вообще на это решилась – одна, с несколькими сторублевыми бумажками в кармане и набором немодных ситцевых платьев, без образования, без перспектив, рассчитывая лишь на свою яркую внешность.

Виктория верила в себя и свою птицу счастья. Годы выживания в семье, где отец, встав не с той ноги, мог беспричинно сломать одному из отпрысков пару ребер, а мать равнодушно на это смотрела, прихлебывая тепловатую водку, вы-

дрессировали ее характер. Она была готова голодать, недосыпать, отдаваться мужчинам за деньги – делать что угодно, лишь бы не возвращаться домой. Большинство девушек, высадившись на перроне вокзала с перемотанным скотчем ветхим чемоданом и смутной надеждой в глазах, скорее всего, оказались бы на панели. При более удачном стечении обстоятельств – в одной из законспирированных под массажный салон квартир, где платили бы пятьсот рублей с клиента, два раза в месяц водили к гинекологу, а иногда отпускали погулять или в кино. При менее удачном – стоять бы ей на солнце или в мертвенном свете тусклой московской луны на обочине Ленинградки. Шаг влево – риск нарваться на шприц со смертельной дозой героина, обязательные мальчишники в крышующем точку отделении милиции, ранние морщинки, неумело замазанные тональным кремом «Балет», в перспективе – гепатит С. А потом девушку бы нашли с перерезанным горлом где-нибудь в Бирюлеве и похоронили в общей могиле за государственный счет.

Но Виктории повезло – ее, голодную, испуганно озирающуюся по сторонам, шарахающуюся от машин и нарядно одетых, уверенных в себе людей, заметил некто NN, проезжавший мимо в своем «лексусе». Яркая, свежая красота, нервная растерянность и отчаяние юной приезжей сделали свое дело: NN подрулил к тротуару и пригласил красавицу на кофе. Цепкий взгляд Вики оценил дорогой автомобиль, модную одежду, гладко выбритое лицо, поблескивающие за

стеклами очков умные серые глаза. Она улыбнулась, забросила чемодан на заднее сиденье и без подготовки вывалила на бедного NN всю свою подноготную. И о пьющем отце рассказала, продемонстрировав свежий синяк на гладком, крепком бедре, и о сестре, которая в свои девятнадцать так и не научилась читать по слогам, и о брате, дружки которого так на Вику заглядываются, что она не рискует ложиться спать без перочинного ножика под подушкой. И вот уже получилось, что NN вроде как несет за нее ответственность.

Примерив на себя роль благодетеля, NN остался доволен. Недавно оставив жену, он еще не успел обрасти новыми сексуальными связями, и волнующее тело новой подруги оказалось кстати. Мужчина привез Вику в свой особняк на Рублевке – не загадывая на будущее, решил немножко побыть просто счастливым гедонистом. Но сложилось так, что они прожили вместе двенадцать лет, пока NN не скончался от не обнаруженного вовремя гнойного аппендицита, вызвавшего перитонит. Все его имущество досталось бывшей жене, с которой он так и не удосужился официально оформить развод.

Виктория прибыла на Рублевку испуганной девочкой в хлопчатобумажных колготках, а уходила – искушенной красавицей, знающей толк в брильянтах, устрицах, роскошных отелях Лазурного Берега, умеющей с беглого взгляда отличить платье из первой линии Cavalli от умело скроенной подделки, которую пытаются выдать за новинку в московских бутиках. Никто не смог бы заподозрить в томной леди, лю-

бительнице выдержанного вина, легких сигарет и альтернативного скандинавского трип-хопа, ту испуганную девочку с синяками на костлявой спине, которая пряталась от бушующего отца в стенном шкафу...

«Зря я так с ней, – подумал Марк. – Да, я разлюбил, но она же в этом не виновата! Необязательно бить ее по больному месту».

– Мы же сюда ненадолго? – взяла себя в руки Вика. – Погуляем и обратно?

– Вроде того, – уклончиво ответил он. А про себя подумал: «Один из этих шатких домишек был завещан Вере». И помрачнел при воспоминании о пропавшей подруге, ее веснушках, содранных коленках и острых, как у подростка, ключицах.

Виктория была другой, объективно куда более красивой, чем Вера. У нее высокие скулы, широко расставленные зеленые глаза с легкой поволокой, смуглая кожа. Тело состояло из плавных линий, соблазнительных изгибов, инфантильных ямочек. Ей присуща та особенная грация, которую принято называть кошачьей. Ее красота была растиражированной, востребованной, типичной. Два года назад Виктория позировала для известного мужского журнала, и ее фото поместили на разворот.

Нимфеточную, смутную прелесть Веры мог разглядеть только гурман, эстет. Ее красота не била наотмашь, не валила с ног, не удивляла, не гипнотизировала. Нет, она словно

затягивала в болотистые топи хрустальным хором русалок, медленно и нежно обволакивала прочной паутиной так, что не деться от нее никуда.

Эх, Вера, Вера...

Первое время она мерещилась Марку везде. Мелькнувшая в толпе хрупкая девчоночья спина, солнечный зайчик в паутине чьих-то рыжих волос, задорные улыбки французских актрис, смех за окном, вуаль ее любимых сладких духов, повисшая в воздухе от прошедшей женщины, – все напоминало о ней. Кстати о духах. Они были для Веры слишком «взрослыми» – так всегда считал Марк. И когда подружка исчезла, он, на Эвересте своей глухой депрессии, однажды купив флакончик, надушил ими подушку, чтобы создать жалкую иллюзию Вариного присутствия.

Постепенно Марк научился с этим жить. Вытравливая Веру из дальних уголков памяти, он с головой нырнул в омут московской ночной жизни. Каждый новый прокуренный бар приносил ему очередную одноразовую попутчицу, которая пачкала воротнички его рубашек помадой, оставляла в стоке его ванной курчавые лобковые волоски, а на тумбочке в прихожей – бумажки, салфетки и даже ежедневные прокладки с криво нацарапанными телефонными номерами, по которым он почти никогда не звонил.

Даже странно, что умудрился не подхватить какую-нибудь заразу.

Марк пытался остановиться. Однажды в подвальном баре

одного из окраинных районов он познакомился со студенткой полиграфического колледжа Наташей, которая в полумраке показалась ему похожей на Веру. Те же бледные узкие плечики, та же беспомощная улыбка. У нее даже щелка между передними зубами была! Девушка не отличалась особой разборчивостью и, после того как он угостил ее сухим martinи, легко согласилась поехать к нему.

Она была смышленной и смешливой, ее тело пахло ванильными ирисками. А утром встала раньше и приготовила восхитительный омлет. Марк предложил ей остаться.

А через три недели сам собрал ее вещи – Пигмалиона из него не получилось, Наташа плохо перекраивалась по меркам, вырубленным в его памяти Верой. Он заставил ее покрасить волосы в рыжий цвет, купил ей художественно порванные джинсы и дюжину цветастых лоскутных юбок, которые девушка с неохотой, но все-таки носила. Даже проклятые духи Роете подарил. Но все равно это было не то, не то, не то.

Напоследок Наташа обозвала его зацикленным извращенцем.

После этого Марк решил: с него достаточно. Он должен начать жить с чистого листа. Больше никаких бездарных пародий, глумливо хохочущих фантомов и печальных призраков.

Марк принял курс швейцарских витаминов, купил абонемент в бассейн, затеял ремонт, выбросив все то, что напоми-

нало ему о Вере, оплатил сессию у дорогого психотерапевта. Тот и посоветовал ему найти любовницу другого, не нимфеточного, типажа. Новую женщину, которая разбудит в нем новое чувство.

Так в его жизни появилась Виктория.

Они познакомились в спортивном клубе. Вика сама к нему подошла. И неудивительно – Марк был хорош собою, ухожен, дорого и со вкусом одет, а за его грустной задумчивостью угадывалась романтическая тайна. На него многие заглядывались, он научился не придавать этому значения.

Но Виктория – красивая, наглая, напористая – в свою очередь привыкла добиваться своего.

Они встречались неделю, потом Вика переехала к нему. И это было так естественно, что его независимость и не подумала восстать против ее инициативы.

Аккуратная квартира Марка превратилась в подобие цыганского табора; косметика, платья, журналы, стильные часы, коробки с драгоценностями, декоративные свечи, еще черт знает что... Виктория была мучима страстью к покупательствам и ежедневно обрастала хламом.

Поначалу это ему даже нравилось – как и ее яркость, самовлюбленность, патологическая склонность к хаосу. Вике удалось ненадолго его отвлечь, втянуть в свой карнавальнй ритм. Они ужинали в модных ресторанах, и Марку льстило, что все вокруг пялятся на его девушку. Его друзья хором одобрили Викторию, кстати, Веру они почему-то недолюб-

ливали.

Каждый новый день был похож на отрепетированное торжество: оба любовника были склонны к веселью напоказ. Вика покупала наряды, Марк дарил ей брильянтовые цацки, цветы, они выезжали на пикники, отправлялись в прогулки на яхте, устраивали домашние вечеринки, поднимались на крышу и запускали в ночное небо фейерверки, улетали на выходные в Париж или Рим, однажды целую неделю провели в Пальма де Майорка.

Раздражение подступило незаметно. Но Марк помнил тот конкретный день, когда это началось. Он вернулся с работы усталым и злым. Вики не было дома: она выгуливала очередной наряд в очередном ресторане в компании очередной пустоголовой подружки. По бедламу в квартире, точно по кофейной гуще, угадывался ход ее мыслей и очередность действий: она собиралась надеть шелковый комбинезон, но потом передумала, да так и оставила его скомканным на полу; красила ногти на ногах, а резиновые разделители для пальцев оставила на кухонном столе; пила свой любимый приторный мятный ликер и опрокинула бутылку, но вытереть лужу не удосужилась, и Марк едва в нее не вляпался; красилась, как всегда сидя на полу, и весь паркет был завален ее склянками и тюбиками...

Зло пнув ногой какой-то флакон, Марк вдруг подумал: а ведь ему было совсем неплохо одному.

Время шло, он раздражался все чаще и чаще. То, что рань-

ше умиляло в Виктории, вдруг начало казаться отвратительным.

Она была убежденной childfree – не хотела портить фигуру и менять образ жизни. Поэтому иногда вызывала рвоту после еды, а по субботам она делала клизмы из настоя ромашки. И тратила полторы тысячи долларов в месяц на косметологов.

Она не сочувствовала нищете, что было бы логично, а ненавидела, презирала бедных, даже посмеивалась.

Она была эгоисткой.

Неряхой.

Завистницей – не переносила других привлекательных женщин, в их присутствии вела себя настороженно и даже стервозно, словно те могли отнять у нее что-то, по праву только ей принадлежащее.

Упрямой.

Довольно ограниченной...

Марк с удивлением замечал все новые и новые отрицательные черты, но в глубине души понимал: его недуг вернулся. На самом деле Виктория всего лишь не была Верой, вот и все.

И вот сейчас оба рассматривали покосившиеся домики деревни Верхний Лог – он с любопытством, Вика с едва уловимым раздражением. Марк подумал, что одна из этих лачуг была завещана Вере, и вдруг его сердце сжалось в крохотную точку, словно приготовившаяся к взрыву звезда. Что

было тому причиной – внезапно ли накотившая ностальгия по выступающим ребрышкам на ее веснушчатой спине, густой ли запах клевера или глубокая голубизна неба? Поскорее бы разобраться, вернуться в Москву, выставить Викторию и остаться одному...

– Смотри, – вдруг сказала Вика, – какая фря.

По обочине дороги медленно брела стройная темноволосая женщина – в Москве Марк не обратил бы на нее внимания, но здесь, в Верхнем Логе, она смотрелась чужеродным элементом, словно коллекционный стул в стиле ампир в интерьерах беднейшей хрущобы.

У нее была ровная смуглая кожа – отнюдь не рваный крестьянский загар, который достается деревенским женщинам на огородных работах. Ухоженные густые волосы зачесаны назад и небрежно прихвачены красивой заколкой. Лицо гладкое, с аккуратно выщипанными бровями и крупными яркими губами, босые ступни изящны и узки. На ней был дорогой шелковый халат в псевдокитайском стиле – в драконах и пионах. Поравнявшись с незнакомкой, Марк понял, что та явно приезжая: давно перевалило за тридцать, а деревенским женщинам, разменявшим четвертый десяток, редко удается сохранить такую нежную красоту. Она была похожа на какую-то кинозвезду латиноамериканского происхождения – не то Сальму Хайек, не то Пенелопу Крус, Марк всегда их путал.

– Прошу прощения... – обратился он к ней, опустив то-

нированное стекло.

Женщина вздрогнула и не сразу сфокусировала на нем взгляд. Она казалась какой-то потерянной.

– Нашел у кого спросить, у пьянчужки местной! – фыркнула Виктория, как обычно реагируя презрением на яркую красоту незнакомки.

– Вы, случайно, не знаете, где здесь дом Клюквиных? – Марк не знал, была ли у Веры и ее покойной тетки одна фамилия, поэтому решил действовать наугад.

– Чей? – рассеянно переспросила женщина, и ее красиво изогнутые губы дрогнули в слабом подобии улыбки. – Простите, я тут почти никого не знаю... Мы приехали несколько дней назад.

Марк кивнул и уже начал закрывать окно, как вдруг женщина резко подалась вперед и чуть не ударилась лицом о стекло. Вика испуганно отпрянула.

– Извините, – незнакомка нервно облизнула губы и плотнее запахнула на груди халат, – а вы, случайно, не встретили на дороге девочку?

– Девочку?

– Ну да. Маленькую девочку. Ей двенадцать лет, но она выглядит младше. Дочку Дашей зовут... – Голос женщины словно ухнул в невидимую яму, стал обреченным, глухим. – Я проснулась, а ее нет...

– Мы никого не видели. Марк, поехали скорее! – встряла Виктория. И нажала на кнопку стеклоподъемника.

Женщина какое-то время смотрела им вслед – Марк видел это в зеркало заднего обзора. А потом, сторбившись, побрела по пыльной дороге – босая, растерянная, испуганная.

Он припарковался возле дома, который выглядел более ухоженным, чем остальные: бревенчатый сруб, из трубы поднимается жидкий курчавый дымок, по палисаднику важно разгуливают темно-рыжие куры.

– Сиди здесь, я на минуту, – бросил Виктории, которая наградила его испепеляющим взглядом.

Марк решил не обращать внимания на ее эмоциональный фон. Ничего страшного, Вика справится. В конце концов, не девочка, ботоксом обкололась с ног до головы, хоть и продолжает носить легкомысленные джинсовые шорты.

Подойдя к забору – невысокому, скорее условному, он несколько раз крикнул: «Есть кто?» И только после этого толкнул податливую калитку. Тотчас же из дома навстречу ему выбежала приземистая коренастая бабенка, чьи мягкие волосы взбила в прозрачный пух давно вышедшая из моды вертикальная химия.

Вот она была типичной деревенской жительницей – широкое обветренное лицо с ранними морщинками, в которых намертво впечатался грязноватый загар, серые, чуть навыва-те, глаза, смотревшие на явно городского приезжего с подозрением, руки испачканы в тесте.

– Вам кого? – прищурилась женщина.

– Здравствуйте. – Марк воспользовался самой обаятельной из своих улыбок. – Я ищу дом Клюквиных. То есть, возможно, у хозяйки другая фамилия...

– Так Тоня померла давно, – удивилась пучеглазая. – Чегой-то вы теперь о ней вспомнили?

У него сильнее забилося сердце. Марк даже не ожидал, что будет так волноваться. Вернее – он вообще не ожидал напасть здесь на Верин след. В глубине души был уверен, что и пресловутый Верхний Лог, и скончавшаяся тетка, и неожиданное наследство – не более чем плод ее буйной фантазии. Дурацкий предлог, чтобы уйти от него по-английски.

«Ты же знаешь, от стабильности я хирею» – любимая ее фраза.

– Или наследничек? – почему-то обрадовалась тетка. – Да там нечего и наследовать-то, дом почти развалился. За ним не смотрел никто, все разворовали, окна повыбивали... Прошлой зимой упала стена в сарае, огород зарос... Хотя я собиралась посадить там картошку, все равно стоит бесхозный.

– Да нет, я не наследник, – поспешил Марк успокоить алчную соседку. – Я человека одного ищу. Девушку.

– Рыжую? – деловито спросила женщина.

Марк нашарил в кармане ветровки упаковку бумажных платков, вынул один и обтер вдруг вспотевший лоб.

– Да вы сядьте, вон как умаялись, – предложила баба, поняв, что на ее желание самовольно захватить чужой огород приезжий никак не реагирует. – Меня Марьей Петровной зо-

вут. Можно просто Маша. Тоню Клюквину я с детства знала, и рыжую вашу видела. Она ко мне заходила, даже купила молока. Вам, кстати, не надо?

– Можно, – машинально согласился Марк, чем окончательно завоевал расположение хозяйки.

Они присели на узкую лавочку, прибитую прямо к стене дома.

– Ее Верой звали, рыжую девушку, – тихо сказал Марк. И сам содрогнулся – оттого, что вдруг заговорил о ней в прошедшем времени.

– Может, и Вера, – согласилась Марья Петровна, – не помню. Она у меня недолго была. Я ей дом открыла, показала все. Она выпила молока, забрала ключи и уехала. Ей надо было успеть в Ярославль, к нотариусу.

– Уехала? А... Она пошла на станцию?

– Ну да, здесь недалеко. Часа полтора идти. Как раз успевала на двухчасовой поезд. Но больше я ее не видела.

– Вот и я тоже, – вздохнул Марк. – А вы не знаете, к какому именно нотариусу она отправилась?

– Откуда мне знать, – поджала губы женщина. – Она мне не докладывалась... А что, с ней случилось что-то? – Пустые серые глаза сверкнули мимолетным интересом.

– Вера оставила записку, – Марк и сам не знал, зачем отчитывается перед совершенно чужим человеком, – что уехала к друзьям, в Индию. И не позвонила, не забрала своих вещей...

– А ведь она собиралась замуж, – вдруг сообщила Марья Петровна.

– Что?

– Да, так и сказала. Мол, у нее мужик есть, порядочный. Он еще не предлагал, но все к тому идет. Так, выходит, ты и есть тот порядочный?

– Я... наверное. – У Марка пересохло в горле. – А Вера... то есть... Вы ведь покажете мне тропинку к станции? Слушайте, а это правда, что у вас здесь пропадают люди?

Женщина отреагировала неожиданно – резко поднялась со скамьи и в лучших манерах боевитой рыночной торговли уперла руки в бока, не обращая внимания, что на синих тренировочных штанах остаются белые следы подсохшего теста. И голос, которым она заговорила, стал другим – визгливым, склочным:

– Теперь понятно, кто ты такой. Запудрил мне тут мозги, Тоньку приплел... Про рыжую небось наугад сказал? Вернее, я ж сама и сказала, ты только поддакнул. Из-за таких, как ты, мы и теряем деньги! Вам-то, городским, понятное дело, насрать, у вас-то денег куры не клюют... А ну, убирайся отсюда!

Лицо тетки исказила ярость, по полным щекам пошли свекольные пятна гневного румянца. Женщина схватила Марка за плечо и дернула вверх, так что он чуть не упал на землю вместе с прогнившей лавочкой.

– Убирайся, кому сказано!

Побелевшие суставы коротких сильных пальцев, побелевшие от злости глаза. Просто не женщина, а какой-то оборотень! Колдунья из пряничного домика, которая в одно мгновение из златовласой феи с певучим голосом и ямочками на щеках превращается в крючконосую старуху с острыми клыками и загнутыми, как у хищной птицы, желтыми когтями...

Марк успокаивающе поднял вверх ладони.

– Пойдите, пойдите, что я такого сказал? Я просто статью прочитал в газете. Вы сами подумайте: у меня пропала девушка. Я думал, что она меня бросила, а тут вдруг увидел статью...

Марья Петровна недоверчиво посмотрела на него, а потом вынула из кармана передника скомканный листик, и Марк сразу узнал тот самый понедельничный номер газеты «Слухи и сплетни», который неожиданно смутил его покой.

– В этой газете? – мрачно поинтересовалась тетка, сунув ему в лицо истрепанную страничку.

– Да, – кивнул Марк. И неизвестно зачем пояснил: – Я случайно на нее наткнулся, у стоматолога...

Марья Петровна успокоилась так же быстро, как за пять минут до того почти превратилась в пожираемого яростью оборотня. Она присела на лавочку и, вздохнув, уставилась вдаль.

– Корреспондент этой паршивой газетенки ко мне приходил, – сказала, помолчав. – Справки наводил, вынюхивал. Ято, наивная душа, к нему по-доброму отнеслась. Еще и ра-

да была поболтать, отдохнуть от дел. Он Савелием назвался. Совсем мальчишка, тощий такой, бледненький, в очочках, сутулится, а все туда же... Я его даже пожалела – вот, думаю, какой убогий. Блинами угостила. Откуда мне было знать, что он такую подлость выкинет... Мне уже двое моих дачников позвонили, сказали, что не приедут. Журналюгам бы только слухи пустые распустить, а нам страдай!

Марк сочувственно вздохнул и, пальцем выбив из пачки темную сигариллу, закурил.

– У нас тут знаете какие места? Заповедные! Река – красота! Черника, грибы – все экологически чистое. Утром выйдешь – тишина, на траве роса, а если дождик прошел – в небе радуга. Вот какие места! Прошлым летом москвичи дрались, чтобы комнатку у меня снять, на все лето детей своих засылали. А сейчас боятся, видите ли. Как маленькие, честное слово!

– Значит, все, что написано, неправда? – осторожно поинтересовался Марк. – Ни убийства здесь не было, ни сорока человек, что ушли в лес навсегда?

– Глупости! – фыркнула Марья Петровна. – Убийство было, никто не спорит. Федька Губкин перепил и грохнул жену свою. Таньку. Подруга моя была, между прочим, знали друг друга с пеленок. – Глаза тетки увлажнились. – И я ей всегда говорила, что надо держаться подальше от алкаша. А тот напился и порешил Таньку. Да еще так страшно – топором.

– А сорок человек? – немного разочарованно спросил

Марк.

Черт его знает, на что он рассчитывал. Может быть, почти исчезнувшая тень Вериного следа подзадорила его фантазию, а может быть, все дело было лишь в самом страшном из человеческих чувств – оскорбленном самолюбии, и он предпочел бы узнать, что Вера пропала без вести при странных обстоятельствах, а не банально бросила его.

– Да какие там сорок человек, тьфу на вас! – Марья Петровна и правда смачно сплюнула себе под ноги. – В прошлом году лесник наш, Борька, заблудился и сгинул. Вот его и не нашли. Но тот сердечник был, пять инфарктов, на ладан дышал. Все-таки семьдесят лет! Ему врач велел – носа за ворота не высовывать. Сказал: физическая нагрузка в разумных пределах, десять шагов вправо, десять влево. А Борис на весь день уходил, за десятки километров, иногда с палаткой. Вот и нарвался. Искали, конечно. Но там такие глухие чащи – все без толку. Уже и косточки, наверное, сгнили. – Баба вытерла глаза краешком ветхого передника.

– И все? – Марк в очередной раз почти с восхищением удивился невероятной беспринципности газетчиков. – Больше никто никогда не пропадал?

Взгляд Марьи Петровны беспокойно заметался по двору и остановился, только нащупав безопасную опору, а именно – наполненный темной колодезной водой ржавый бак.

– Все это глупости, – вдруг неожиданно глухим голосом сказала тетка. – Ну, погибла тут у нас одна прошмандовка.

Гуляла со всей деревней, истаскалась вся. Такой туда и дорога. Но и ее туда же очкарик приплел. А на самом деле ничего странного нет...

– И как она погибла?

– А хрен ее знает! – прищурилась Марья Петровна. А потом с пугающим равнодушием предположила: – Наверное, утопил кто. Тут такие страсти кипели!

– То есть тела не нашли? – понял Марк.

И Марье Петровне пришлось подтвердить: не нашли. Так же нехотя она рассказала и о компании заезжих туристов-пьяниц, которые устроили в лесу пикник, и больше их никто не видел. История сопровождалась излюбленной притчей: мол, ничего странного, туда им и дорога, и вообще, может, парни с девчонками просто тихонько уехали восвояси.

Марк понял, что его собеседница – обычная кумушка, охочая до художественного словесного бисероплетения, банальная сплетница. И если Марья Петровна и в самом деле обиделась на скандального журналиста, то только потому, что тот ее имя не упомянул в статье. Сплетницы такого типа иногда оказываются очень тщеславными. Он понимал, что самым лучшим решением было бы сейчас с ней распрощаться, отвезти Вику на живописный берег реки, съесть привезенные сэндвичи, выпить красное вино, вернуться домой и приступить к плану по скоропалительному выдворению надоевшей подруги из своей жизни. Но что-то мешало ему уй-

ти. Нет, не объективная причина, а скорее некое шестое чувство.

Не прошло и пяти минут, как выяснилось, что оно не подвело.

– Раздули непонятно что из бытовухи... – привычно бубнила Марья Петровна. – Да у нас половина деревни с ума сходит. Видимо, гордиться больше нечем, вот и придумали, что живут в опасном месте. Такое рассказывают – уши вянут!

– И что же?

– Их, конечно, тоже понять можно... Вон у Нинки, лесниковой жены, вообще крыша съехала, после того как муж заблудился. Говорит, он, мертвый, к ней приходит по ночам. В окно скребется, домой просится, а у самого нет одной руки. Висит пустой рукав окровавленный. Ну, так Нинка выпивать стала, небось белая горячка у ней. Или Фрося, второй дом с того края. Всегда ее блаженной считали, не от мира сего. Она по картам гадала, травки собирала. Безобидная сумасшедшая. А как Нинкины бредни услышала, обрадовалась. Как же, нашла подружку-единомышленницу! Говорит: я тоже мертвых видела, и не один раз. Не только лесника, многих. Мол, другие тоже видели, только боятся признаться. И вообще, говорит, нехорошие здесь места... Или вот Ангелина, москвичка... Не видели ее? Такая фу-ты ну-ты, темно-волосая, в халате. Ходит тут, ногами сверкает. А самой уже лет-то!

– В халате? – оживился Марк. – С пионами? Красивая та-

кая?

– Как корова сивая, – буркнула Марья Петровна, молниеносным жестом поправив химические кудряшки. – Чего ж в ней хорошего? Кожа да кости!

– Так что с ней случилось? – перебил он. – Да, мы ее встретили. Она девочку искала, Дашу.

– Девка у нее та еще! – сжала губы Марья Петровна. – Двенадцать лет, а смотрит как взрослая. И непонятно, что на уме. Ушла утром гулять, а Линка истерику устроила: пропала, мол, дочка, милицию мне, службу спасения! Мы с участковым нашим только пальцем у виска покрутили... Хотя от Ангелины и не того можно ожидать. По ней сразу видно, что немножечко того...

– А в каком доме она живет?

– А что? – подозрительно прищурилась Марья Петровна. – Она не хозяйка, снимает на лето. Если хотите остаться, давайте ко мне. Отдельная комната, печка. Душ, правда на улице, но сейчас же жара.

– А что... – задумался вдруг Марк, посмотрев на часы. – Уже половина седьмого... Мы могли бы докупить вина... Мы пикник хотели устроить.

– Я вам домашнего вина продам, земляничного, – оживилась Марья Петровна. – Вы не пожалеете. И место вам покажу, где можно огонь развести. Чистое поле, кругом ни души, звезды над головой, река рядом, лес!

– Ладно, – решил Марк, – готовьте комнату. Я пойду за

своей девушкой.

Глава 4

1918 год. Петроград

К холодам у Хунсага и Митеньки появился дом – они нашли пустующий флигелек в относительно спокойном районе Петрограда, куда почти не добиралась сошедшая с ума от ощущения собственного величия матросня и прочая мутноглазая шваль. Митенька почему-то боялся спросить, как именно Хунсагу удалось выследить такое уютное и почти теплое (во флигельке стояла печка и даже имелся некоторый запас дров, что считалось почти роскошью) место.

Однажды утром, еще осенью, когда они ютились во дворе, на одеялах, Хунсаг оставил его одного, уйдя со словами:

– Холодает, нам пора переезжать. И я должен найти жилье, где мы пересидим ближайшие месяцы. И где ты встретишь весну.

– Я? – насторожился Митя. – Я один?

– Да, – спокойно подтвердил его наставник. – Потому что к весне меня уже не будет. Ты должен уже сейчас все время об этом помнить. И учиться выживать без меня.

Мите стало страшно – пожалуй, даже страшнее, чем в те дни, когда умирала его мать. Все последние недели Хунсаг был его защитником, талисманом. Он будто взял юношу под свое мягкое крыло и опекал, требуя взамен лишь послуша-

ния. Да ему и требовать не надо было – все его задания Митенька выполнял с восторгом человека, предвкушающего чудо. Мальчик чувствовал себя учеником чародея.

Хунсаг научил его правильно дышать и тратить на засыпание меньше минуты и спать крепко (когда живешь на улице, очень важно выспаться хорошо, иначе быстро потеряешь точку опоры и тебя сожрут). Часами они медитировали. Сначала Мите было скучно – от неподвижного сидения в одной позе затекали ноги, в голову лезли обрывки посторонних мыслей, хотелось размяться, сделать что-нибудь, закричать от раздражения. Но постепенно юноша научился входить в то особенное состояние, когда ничто не важно, кроме собственного тела. Он чувствовал, как бьется его сердце, чувствовал, как по венам и артериям текут реки крови, как воздух медленно наполняет расширяющиеся легкие. В те дни Митя впервые задумался о том, насколько совершенен человеческий организм, насколько все в нем взаимосвязано. И понял, почему Хунсаг называет тело человека храмом. А поэтому стал по-другому смотреть на людей, которые ежедневно и буднично оскверняли свой храм – вдыхали щекочущий нос табак, а то и кокаин, вливали в глотку литры огненной воды, закусывая пережаренным мясом.

– О мясе ты должен забыть, – строго сказал ему Хунсаг в самый же первый день, что они провели вместе. – Тот, кто ест грубую пищу, никогда не сможет подняться выше собственного сознания.

Еще Хунсаг учил мальчика выдерживать чужой взгляд, что давалось нежному Митеньке особенно трудно.

– Представь: я – пьяный солдат, который хочет отнять у тебя последнее... – С этими словами наставник надвигался на него, и Митя по инерции сконфуженно пятился. – Нет-нет, ты не отступать должен, а посмотреть на меня так, чтобы я сразу понял: если нарушу твои границы – умру.

Митенька честно тренировался, каждый день. Он подобрал где-то кусок угля, нарисовал на стене кособокую рожицу и смотрел на нее часами, стараясь, чтобы из глаз его струилась сама Тьма.

– Вера и намерение, – говорил Хунсаг, – невозможны без воли. Большинство из нас ломаются не на вере, а именно на воле. Воля – первооснова магии, хоть и не единственная ее составляющая. Коктейль «воля + интеллект» могут мир перевернуть. Я сделал одно странное наблюдение: среди людей, воля которых имеет весомую силу, мало интеллектуалов. Большинство известных мне интеллектуалов не могут преодолеть первый круг воли – круг еды. Даже не то чтобы не могут, просто не видят в этом смысла. Некоторые к самой категории воли относятся с необъяснимым снобизмом – наверное, в их картине мира совместимость интеллекта и воли – тоже редкое явление. Даже хрестоматийное схематичное разделение человека на «телесное» и «духовное» видится мне актом протеста интеллекта против воли. Играя одной волей, без включения интеллекта, можно обустроить се-

бе уютный мирок – и это будет образцовое мещанское счастье. Интеллект тоже прекрасно существует вне воли – красиво рефлексивует, создает альтернативные миры, привлекает поклонников и слушателей. Первый круг воли – можно сказать, вступительный экзамен, – это тело. Тело необходимо поддерживать здоровой пищей и гармонично развивать. Оно должно быть гибким и послушным. Если взрослый человек не может даже подняться по лестнице без одышки, ни о какой магии намерения не может идти и речи. Если человек даже не умеет плавать, не способен обойтись день без пищи, не может сделать кувырок назад, встать на мостик, соединить руки за спиной, быстро освоить какие-то танцевальные движения, то ему следует отложить в сторону литературу о духовном поиске и заняться собой. Необходимо научиться слушать себя, управлять собою, воспринимать себя как часть целого, вводить себя в то или иное состояние. То есть освоить первый уровень, который почти в любом деле оказывается самым трудным и скучным.

Так в беседе и учебе проходили дни, недели. А ночи становились все холоднее, и вот однажды Хунсаг ушел утром со словами, что им надо найти дом. Вернулся он ближе к ночи, когда Митя уже едва не плакал от отчаяния.

– Идем, – сказал наставник. – Я все решил.

Митенька, конечно, заметил, что рукава его сорочки забрызганы кровью, но предпочел не спрашивать, в чем дело, хотя и подозревал худшее.

«Он спасает мне жизнь, причем бескорыстно, стало быть, не может быть злодеем, – еле слышно бормотал Митенька, плетясь за своим спасителем. – У него просто носом пошла кровь. Да, просто пошла кровь...»

Во флигельке, который они заняли, были не только печь с дровами, но и софа, и одеяла, и какая-то посуда, и даже подшивка журналов. Впервые за недели скитальчества Митенька уснул в мягкой постели, и впервые ему снились разноцветные сны в пастельных тонах. И впервые он проснулся с улыбкой, не сразу поняв, где находится.

Проснулся – и сразу встретил холодный взгляд Хунсага. Тот сидел на краешке софы и смотрел прямо на него.

Митенька неохотно стряхнул с себя остатки сна и рывком сел на кровати.

– Что-то случилось?

– Можно сказать и так, – помолчав, ответил Хунсаг. – Но сначала умойся, поешь.

Митя умыл лицо из ведра и под укоризненным взглядом наставника торопливо сгрыз яблоко, которое тот предложил. Хунсаг всегда говорил, что человек не должен есть быстро, как собака, если не хочет прийти к середине жизни насквозь прогнившим.

– Я решил, что теории с тебя хватит, – подождав, пока Митя допьет жидковатый несладкий чай, продолжил наставник. – Сегодня ты отправишься в город. Один.

– Что это значит? – растерялся Митенька, который после

знакомства с Хунсагом почти не бывал на улицах. Учитель его настаивал, чтобы его юный друг и ученик много часов подряд тренировал «внутреннее зрение», а добывать хлеб и дрова – не его забота.

– То и значит. Я хочу, чтобы ты нашел того дворника... Как, говоришь, зовут ею?

– Никодим, – побледневшими губами ответил Митя. – Но...

– И слушать ничего не желаю! Ты найдешь дворника и заберешь то, что принадлежит тебе. Твои ботинки.

Митя занервничал – вскочил на ноги, запустил пятерню в волосы, сделал несколько порывистых шагов к окну, за которым моросил серый дождь.

– Так он мне их и отдаст... Хунсаг, это же безумие!

– А ты и должен быть немного безумцем, – невозмутимо ответил наставник. – Иначе у тебя никогда не получится прыгнуть выше общепринятых представлений о мире.

– Да он же меня прибьет... Не пойду! – Митя треснул кулаком о подоконник. – На смерть меня посылаешь. Не могу. Он выше меня на голову. И у него такие плечи, такие кулаки...

Хунсаг подошел почти вплотную, взял обеими руками за лацканы шинели и посмотрел прямо в глаза. У него был взгляд волка – Митеньке стало не по себе.

– Выбирай. Пойдешь – тебя, возможно, убьет он. Хотя я бы все-таки сделал ставку на тебя. А не пойдешь... – Он кри-

во ухмыльнулся. – Не пойдешь, так тебя убью я. И тут уж у тебя, мой дорогой Дмитрий Ильич, нет никаких шансов.

Митенька плелся по городу, пиная камень носком ботинка. Новую обувь раздобыл для него самозванный ангел-хранитель, Хунсаг, который теперь отправил на верную смерть. Чем ближе юноша подходил к своему бывшему дому, тем более замедлялся его шаг. В конце концов Митя остановился вовсе и, задрвав голову, тоскливо посмотрел на низкое, в равных серых облаках небо. В животе словно гулко звонили церковные колокола, и от подступающего страха крутило кишки. Хотелось сначала завывать, как собака, а потом песьей же мелкой трусцой убежать за горизонт. Но мальчик прекрасно понимал, что без покровительства сильного Хунсага, без ежедневной еды, которую тот непонятно где и как добывает, без теплого флигелька долго ему не протянуть. И соврать не получится – как изголодавшийся хищник чует пульсацию чужой горячей крови, так Хунсаг чует вранье, каким бы тонким оно ни было. А значит, единственный выход – взять себя в руки и идти вперед. Может быть, ему повезет и дворника Никодима вовсе не окажется на месте.

Но дворник был во дворе, и Митя увидел его издалека. За те несколько месяцев, что они не виделись, Никодим сильно изменился – теперь на его круглощекое румяное лицо не было ни усов, ни бороды, и носил он не старую телогрейку, а дурно сидящий кожаный пиджак. В руках его не было метлы,

и вообще весь его вид говорил, что теперь он перешел в касту хозяев жизни и намерен получать от каждого прожитого дня удовольствие.

Митя какое-то время постоял поодаль, наблюдая за бывшим дворником. Тот стоял рядом с какой-то сомнительного вида барышней, которой было сильно велико нарядное белое платье. На ее плечи была наброшена куцая шубейка. «С чужого плеча, – с отвращением подумал Митенька. – Отняли у кого-то платье и отдали... этой, которая ни причесаться под него не умеет, ни голову наклонить ему под стать».

Никодим явно обхаживал девицу – нелепо, как делают только вульгарные пошляки. Он позволял себе слишком низко наклоняться к ее лицу, и Мите вдруг вспомнилось, что от дворника всегда пахло чесноком и немного водкой. От этой мысли его затошнило. Впрочем, девку в чужом платье явно не смущал такой кавалер – она хохотала, запрокинув голову, и смотреть на нее было противно.

Странно, но отвращение будто бы придало юноше сил. Решительно сжав губы, Митенька пошел вперед.

Никодим узнал его не сразу, что удивительно: виделись они не так давно, прическу Митя не менял и был все в той же гимназической шинели, которая уже слегка трещала по швам, потому что за лето он немного вырос и сильно раздался в плечах.

– Что вам... – начал дворник и осекся, удивленный. – Са-вицкий? Ты, что ли?

– Да, я, – сдержанно ответил Митенька.

Девушка в белом перестала хохотать и без эмоций на него уставилась. У нее было молодое, но отечное лицо с некрасиво разросшимися серыми бровями, оспинами на щеках и крупными водянистыми глазами цвета заброшенного пруда.

– Какого черта пожаловали, барин? – К Никодиму вернулась нахальство.

Без бороды и усов он выглядел моложе и злее. А вот рот у него оказался бабий – мягкий и безвольный. И губы розовые, как у купеческой дочери. Митенька смотрел в наглое лицо и ненавидел его. Ненавидел как ничто другое на свете. Это лицо вдруг почудилось мальчику олицетворением всего того, что пришло так неожиданно и разрушило его налаженную жизнь – грязными сапогами ворвалось в его дом, поддерживало огонь книгами, которые учили Митю быть таким, каким он стал; утянуло в пропасть мать, до смерти закололо штыком отца; вышвырнуло на улицу его, Митю, еще ребенка, неприспособленного, одинокого. А само осталось румяным в ожидании благоволящего завтрашнего дня.

– Да так, – сквозь зубы сказал Митя, едва сдерживая себя, чтобы не наброситься на дворника с кулаками и не расквасить его довольную рожу, – мимо проходил, должок решил забрать.

– Должо-ок? – прищурился дворник, а девушка расхохоталась, явив миру отсутствие одного из передних зубов.

– Да, – с достоинством повторил юноша. – Ботинки мои.

Что, забыл? А мне они понадобились.

– Вали ты отсюда, блаародие! – Дворник сделал широкий шаг вперед, и Митенька призвал на помощь все внутренние силы, чтобы остаться на месте, не отступить, выдержать взгляд. – Все равно у меня их больше нет. Продал я их, малы оказались.

– Ничего страшного. – Митя сам удивлялся собственному спокойному голосу. – Раз продал мои ботинки, отдавай тогда свои.

Ему вдруг стало жаль, что Хунсаг его не видит. Наставник был бы доволен.

– Ты совсем спятил, Савицкий? – Глаза дворника словно застила красная пелена, в тот момент он стал похож на быка, которого раздражили дети.

Дальше все было как в тумане. Дворник шагнул вперед, занес над Митиной головой свой тренированный в уличных драках кулак, и мальчик, чья макушка едва доставала до его подбородка, чьи руки чаще перелистывали страницы книг, чем занимались хоть каким-то физическим трудом, вдруг ребром ладони резко ударил Никодима по шее. Никогда в жизни он не обучался искусству боя, у него не было ни стратегии, ни опыта, нужное движение пришло словно извне. Митя ударил и отступил, его сердце колотилось, «убьет, убьет...» – думал он.

И вдруг глаза Никодима как будто прояснились – сначала в них появилось удивление, потом – что-то, напоминающее

досаду, а потом все залила пустота. Широко расставив руки, мужик повалился на спину, да так и остался лежать, уперев невидящий взгляд в серые облака.

– Убил, убиииииил! – заголосила девка в чужом платье.

И тогда Митенька бросился бежать, не разбирая дороги. Навстречу попадались какие-то люди, и кто-то попытался ухватить его за плечо, но юноша даже не замедлил шаг, и от него отстали. Через какое-то время он свернул в темный переулок, рухнул на четвереньки, споткнувшись, и его долго рвало желчью.

Наконец приплелся Митя к знакомому флигельку и вдруг подумал: «А ботинки-то я так и не забрал, и как теперь доказать Хунсагу, что я победил? Что преодолел себя, пересилил?»

Не без опаски он постучал в хлипкую дверь, что было вежливой формальностью, поскольку замка все равно у них не водилось. Никто не ответил, однако в комнате горел свет.

Митенька осторожно потянул дверь на себя. Своего наставника мальчик увидел сразу – тот лежал лицом вниз на софе, ноги его были укутаны кое-где порванным одеялом, и, похоже, Хунсаг находился в глубоком сне, что было странно – ведь он никогда не спал днем. Ему вообще хватало трех-четырех часов сна. Спустя какое-то время и Митя должен был научиться полноценно отдыхать за такой незначительный промежуток времени.

Растерявшись, Митенька сначала интеллигентно кашля-

нул, а потом все же решился и осторожно потряс Хунсага за плечо. Он вдруг сообразил, что никогда раньше не видел наставника спящим, тот всегда ложился позже него, а вставал намного раньше.

Мужчина не пошевелился, и Митя заподозрил неладное. Он осторожно перевернул Хунсага на спину – и увидел то, что больше всего на свете боялся увидеть с того самого дня, когда наставник объявил, что не доживет до весны.

Лицо Хунсага посинело, светлые глаза были широко открыты и казались стеклянными, губы же растянуты в подобие улыбки. Жутковатое зрелище. Митя коснулся его лба – тело того, кто называл себя великим учителем, уже начало остывать, а значит, он был мертвым не первый час.

Митя упал на колени возле софы и заплакал – сначала тоненько, как девчонка, а потом и в полный голос. Он оплакивал и человека, спасшего его жизнь и за считанные месяцы ставшего самым близким другом, и маму, которая даже не успела подарить ему последний поцелуй, и отца, который так бездарно нарвался на штык в пьяных руках, и отчасти себя самого.

Что ему теперь делать, куда идти?

Юноша не знал, сколько времени прошло, сколько он просидел так у ложа мертвеца, обняв руками колени и раскачиваясь взад-вперед. Но настал момент, когда рот его пересох так, что стало больно проводить языком по губам. Митя вспомнил, что на столе должен быть ковш с водой.

Пройдут годы, а потом и десятилетия, и он почти забудет и этот день, и свое тогдашнее состояние – все, что имело отношение к Митеньке Савицкому. Он возьмет новое имя – Хунсаг, которое будет носить с гордостью. Сначала имя станет как бы охранным талисманом, словно вместе с набором букв ему передастся часть волшебной силы наставника, а потом – потом он срастется с ним навсегда. Из его памяти сотрутся имена прежних знакомых и даже некогда любимые лица родителей. Отправится скитаться по миру, и каждый его день превратится в волшебное путешествие. Он научится всему, о чем когда-то рассказывал наставник, которого мальчик Митя слушал недоверчиво, побывает в Тибете, Индии, Китае, Египте и Латинской Америке. И однажды поймет: он изменился настолько, что имеет все основания считать себя не то чтобы не-Митенькой, но и не человеком вовсе.

* * *

Даша осторожно шла по лесу, стараясь не наступать на мелкие камешки и колючие подсохшие травинки. Время от времени она подозрительно оборачивалась, словно ожидая погоню. Но высокий забор странного лесного поселения удалялся, а никто и не думал ее преследовать, и постепенно Даша успокоилась.

Девочка не смогла бы объяснить, почему ее так насторожили эти люди с их одинаковыми домами, одинаковыми до-

моткаными платьями и ясными глазами. Ничего плохого ей вроде бы не сделали. И даже наоборот – пустили переночевать, дали сухое платье, предложили горячий завтрак, объяснили дорогу. Но что-то было не так, ее не покидало чувство тревоги, неприятно вибрирующее в животе.

Эти их внимательные взгляды, и неуместный смех, и странные разговоры: «Это – Даша...» – «Она теперь будет жить у тебя?» – «Нет, она *хочет* вернуться домой, в Верхний Лог...»

И почему та женщина, Лада, так старалась ее напугать? «В лесу *они* кишмя кишат...»

Сейчас, при свете пробивающегося сквозь густые кроны солнца, в звонком жужжании полуденных ос, в заигрывающих прикосновениях теплого ветра, ночные кошмары затаились где-то на дне ее существа, уступив место спокойной рассудительности. Теперь Даша была почти уверена, что мертвые люди, приходившие к ней по ночам, – просто страшный сон, а странные женщины из лесной деревни воспользовались детской впечатлительностью, чтобы ее напугать. Правда, зачем им это нужно, непонятно. Но мало ли на свете сумасшедших... Вот их сосед по московской квартире, дядя Леня, от всей души считает себя новым перерождением, или, как он сам говорит, аватарой Сергея Есенина. Постоянно сверяет какие-то даты, строчит километровые письма в Министерство культуры, нараспев читает «Черного человека», в гостях демонстративно сморкается в скатерть, а потом еще

и с гордостью всем объясняет, что так вел себя его знаменитый предок. Еще у мамы ее одноклассницы было раздвоение личности, и ее несколько лет лечили в частной клинике. Она сама с собою разговаривала, спорила, злилась и однажды, не найдя аргументов, воткнула себе в руку десертную вилочку. А Ладе нравится пугать детей... Даша расскажет об этом маме, когда вернется, и, возможно, вместе они вызовут психиатрическую «скорую».

Девочка уверенно шла вперед, пробираясь между деревьями, пока наконец не добралась до реки – неширокой лесной речки с каменистым дном и крутыми песчаными берегами, из которых выглядывали потревоженные корни подобравшихся к воде деревьев. Вода была темной, вертко извивалась между камней, и на глаз не удавалось определить ее глубину. Чуть в стороне Даша заметила заросший мхом ствол старого дерева, рухнувшего когда-то давно и лежащего поперек речки, тут же вспомнила, что о нем говорила Лада. Цепляясь за ветки, девочка осторожно спустилась к бревну, но то оказалось скользким и неустойчивым, гораздо проще, наверное, перейти речку вброд. Даша засомневалась, попробовала темную воду босой ногой – конечно, не соленая нега Средиземного моря, но и не отнимающие дыхание ледяные воды горных рек. Только вот дно было неприятным – илистым, затягивающим, как болото. Одной рукой прихватив подол платья, а другой придерживаясь за склизкое бревно, Даша осторожно двинулась вперед. Речка оказалась не

такой уж и глубокой – она была уже почти на середине, а темная вода все еще не доставала до груди.

Вдруг ей показалось, что ноги коснулось что-то скользкое, еще более холодное, чем вода. Даша на мгновение замерла, недоверчиво прислушиваясь к собственным ощущениям. Ничего. Наверное, показалось. Девочка перевела дыхание и осторожно шагнула вперед, как вдруг явственно ощутила, что вокруг ее лодыжки сомкнулись чьи-то цепкие ледяные пальцы. Коротко взвизгнув, она наклонила голову, пытаясь рассмотреть, что происходит на илистом дне, но вода была такой темной. «Коряга... Я просто наткнулась на корягу...» – прошептала Даша, одновременно понимая, что просто успокаивает сама себя. Потому что коряги не бывают такими ледяными, не шевелятся, не сжимают до суставного хруста, не тянут на дно.

И тут же весь ужас минувшей ночи словно выплеснулся наружу в безысходном крике. Вспомнились бескровные лица ночных гостей, и спокойная улыбка мертвой женщины, и окровавленный пустой рукав старика, и вытекшие глаза ребенка. Все это никак не могло быть сумасшествием или сном. Сон – то, что было с нею «до», спокойная жизнь, игры в скакалочку, ненавистные уроки русского языка, а реальность – русалочий смех Лады, исходящий от ее бледных пальцев запах ладана и непонятная сила, которая пытается утянуть ее на дно.

Невидимая ледяная рука поползла выше, больно сжала

колени. Даше удалось шагнуть в сторону, она судорожно дернулась к бревну, но длинная высохшая ветка, за которую схватилась, легко треснула, отломилась и осталась в ее руках. Повинуясь отчаянному инстинкту, объединяющему все живое на земле, девочка воткнула эту ветку в темную воду, в то место, где предположительно находилось атаковавшее ее нечто. Почудилось или и правда из-под воды донесся слабый стон и на дне промелькнуло что-то белое, похожее на подвенечный наряд? Невидимые ледяные пальцы ослабили хватку, и Даше удалось вырваться. Наугад вонзая сухую ветку в воду, она рванулась вперед. Это было похоже на липкий ночной кошмар – когда ты понимаешь, что преследующее тебя чудовище уже близко, но не можешь пошевелиться... Кое-как преодолевая сопротивление воды, Даша приблизилась-таки к берегу. Уцепилась за свисавшие ветки, до крови порезала ладонь – рубиновые капли упали в воду, но не разжала рук. А выскочив на песок, не удержалась – обернулась, бессмысленно надеясь на логическое объяснение кошмара. Но тут же запоздало вспомнила совет Лады – не оборачиваться, не смотреть им в глаза, не поддаваться их тягучему гипнозу. И поняла, почему единственным уместным в этом лесу действием будет лишь бездумный бег вперед.

Он вышел из воды. *Он* был ее ровесником, и ей приходилось видеть *его* раньше, у себя в комнате. Мальчик с потеками запекшейся крови на бледных щеках, длинная мокрая челка закрывает глаза, которых не было. *Он* не мог, не мог

ее видеть! Но все-таки видел, шел прямо к ней, осторожно и медленно, неумолимо приближаясь. Завороженная его ломаными движениями, Даша еле заставила себя пойти вперед, но в последний момент все-таки успела увидеть, как *он* приблизился к ветке, о которую она поранила ладонь, протянул руку, подцепил пальцем свисающую с сухого сучка кровавую каплю и поднес ее ко рту.

Даша закричала.

Льняное платье прилипло к ногам, бежать было неудобно, за спиной ей мерещились медленные, но уверенные тяжелые шаги. Она бежала, не останавливаясь, бежала... пока не уткнулась в знакомый глухой забор. Дернула калитку, но вопреки обещанию Лады та оказалась запертой. Девочка отчаянно колотила кулаками, что-то кричала. И вот по ту сторону изгороди послышались легкие шаги, заскрежетал тяжелый замок, распахнулась дверь, и одуревшая от ужаса, мокрая Даша влетела внутрь, и ее замершее от ужаса дыхание вдребезги разбилось о спокойную Ладину улыбку.

– Ты вернулась, – ласково сказала женщина. – Так я и думала. Проходи, я уже налила тебе чай.

* * *

К полуночи Даша так и не вернулась.

Ангелину била нервная дрожь. Все в том же шелковом халате с пионами, она сидела на подоконнике, свесив босые

ноги в сад и время от времени поднося к губам поллитрушку водки. Водка была куплена еще в Москве, чтобы делать Даше компрессы, если та простудится.

Черт, черт, черт...

Пусть бы она трижды простудилась, перенесла двухстороннюю пневмонию, воспаление среднего уха, ветрянку, коклюш... Чем там еще болеют дети? Что угодно, только не это, только не это...

Это был ужасный день.

Ангелина выпросила у соседки Маши старенький жалобно побренькивающий на кочках велосипед. С трудом удерживая равновесие, она носилась по полям и оврагам, березовым рошицам и заросшим кувшинками полувысохшим болотам. Звала, кричала, плакала, угрожала, умоляла, пыталась высмотреть хоть что-то, хоть какой-нибудь знак – обрывок ткани от Дашиной ночной сорочки или запутавшийся в блестящей паутине светлый волосок. Но ничего, совершенно ничего не находила.

После обеда соседка Маша, сжалившись, вызвонила участкового, который приехал из соседней деревни на выдавшем виде мопеде. Милиционер оказался рыжебородым щедушным мужичком с пьяновато поблескивающими глазами и козлиным тембром голоса. На Ангелинину беду он отреагировал с равнодушием жвачного животного, которому пытаются объяснить ницшеанскую теорию о сверхчеловеке.

– Это ж дети, – почесывая бородку, лениво повторял

участковый. – Двенадцать лет девке, шастает где-нибудь. Река тут у нас безопасная, не утонет. Нагуляется и вернется...

Ему вторила соседка Маша:

– Дура ты, Ангелинка! Мой спиногрыз с девяти лет мог на ночевку не явиться. Волновалась, конечно, но что ж поделать. Растет дите! Я старалась давать ему больше свободы.

«Ну и много хорошего из той свободы вышло...» – мрачно подумала Ангелина. Она знала, что Машин четырнадцатилетний сын находится в колонии для малолеток, куда загремел чуть ли не за вооруженное ограбление прохожего.

– Дашка твоя разве не гуляет никогда без тебя? – уперев руки в полные бока, вопрошала Мария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.